

Елизавета Слесарева Мария Заботина

Плюс один день.

История победы над
парализацией

Елизавета Слесарева

**Плюс один день. История
победы над парализацией**

«Автор»

2026

Слесарева Е. Е.

Плюс один день. История победы над парализацией /
Е. Е. Слесарева — «Автор», 2026

Финалист конкурса «Российский нонфик:новые имена» 2025 от издательства «Бомбора». «Плюс один день» – это пронзительная история девушки, чья жизнь разделилась на «до» и «после» внезапным вторжением редкого и страшного недуга – синдрома Гийена-Барре. Вчерашняя амбициозная студентка престижного ядерного вуза, талантливая писательница с грандиозными планами, мечтавшая о блестящей карьере инженера и признании литературного дара, в считанные часы превратилась в «овощ», прикованный к больничной койке. Мир, полный ярких красок и захватывающих перспектив, сменился серой, безрадостной реальностью, полной физических ограничений, боли и предательства близких. Крах надежд, крушение всех мечтаний – как выжить, как не сломаться? Как найти силы бороться, когда даже врачи не верят в твое выздоровление, а прогнозы неутешительны? «Плюс один день» – не просто история болезни. Это история невероятной силы духа, мужества и воли к жизни. Крик души, призыв верить в себя, бороться до конца, несмотря ни на что.

© Слесарева Е. Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПОСВЯЩЕНИЕ	5
ПЛЕЙ-ЛИСТ	6
ОТ АВТОРА	7
ПРОЛОГ	8
ГЛАВА 1	10
ГЛАВА 2	27
ГЛАВА 3	49
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Мария Заботина, Елизавета Слесарева

Плюс один день. История победы над парализацией

ПОСВЯЩЕНИЕ

Посвящаю эту книгу моим родителям – Марине и Евгению Слесаревым.

Вы ЕДИНСТВЕННЫЕ, кто не бросил меня в самый трудный жизненный период. Спасибо, что верили в меня, подбадривали, выполняли все мои прихоти и желания, терпели истерики и упадки сил. Вы как никто другой знаете, как мне было тяжело. А я знаю, как было вам. Видеть своего ребёнка в инвалидной коляске – никто этого не заслужил. А вы тем более, ведь вы самые лучшие родители на свете! Вы доказали это не только во время моей болезни, а намного раньше, скорее всего, когда только искали меня в капусте.

Ни одни слова в мире не выразят всю глубину моей благодарности за то, что вы были рядом со мной: и в детстве, и когда я лежала парализованная и на всех орала, и сейчас, когда лицо к лицу встретилась с руинами своей прошлой жизни. Только благодаря вашей поддержке я всё ещё здесь. И только ради вас. Спасибо за все!

Е. Слесарева

ПЛЕЙ-ЛИСТ

Денис Майданов – Молодым умирать не страшно

Денис Майданов – Ничего не жаль

Loipa – Дорога бойца

Loipa – Сломанные крылья

Loipa – Жизнь

Loipa – Из этих стен

Loipa – Штурмюя небеса

Loipa – Сигнал в пустоте

Ария – Встань, страх преодолей

Ария – Беспечный ангел

В. Цой, Кино – Мы ждем перемен

В. Цой, Кино – Группа крови

Лев Леценко – Мы за ценой не постоим

Zauchaп – Демон во мне

Алексей Хворостян – Падали, но поднимались

ОТ АВТОРА

Дорогой читатель, добро пожаловать в историю моего пути. Пути от вершины возможностей к бездне отчаяния, от амбициозной выпускницы престижного ядерного вуза и подающей надежды писательницы – к состоянию полной беспомощности, когда жизнь за несколько часов превратила меня в безвольный овощ. Эта книга – не просто хроника болезни, это гимн силе человеческого духа, который, вопреки всему, отказался сдаваться. Три года – 1095 дней и ночей – я вела неравный бой с коварным и редким недугом, энцефаломиелополирадикулонейропатией, более известным как синдром Гийена–Барре. Я и не подозревала о существовании в себе такого внутреннего стержня, который, закалившись в горниле страданий, теперь сверкает хромированной сталью.

Возможно, вы читаете роман «Плюс один день», потому что знакомы с этим синдромом не понаслышке. А может, вас привело желание увидеть настоящую силу духа, столкнуться с ней лицом к лицу на страницах реальной истории. Какой бы ни была причина, я уверена – вы не останетесь равнодушными. Эта книга изменит вас. Вы увидите мир моими глазами, глазами, полными слез отчаяния и искр неугасающей надежды. Пройдете вместе со мной каждый этап этого изнурительного пути, разделите мои боль и радость, страх и веру. И кто знает, возможно, вместе мы дойдем до счастливого финала.

Синдром Гийена–Барре – редкий гость в медицинской практике. Именно поэтому я считаю своим долгом оставить после себя не просто историю болезни, а подробный план действий, своего рода путеводитель для тех, кто столкнулся с этим кошмаром. Я хочу поделиться каждым прожитым днем и мгновением борьбы, чтобы мир понял, каково это – быть молодой, полной сил, планов, и в одночасье оказаться парализованной, запертой в собственном теле. Хочу показать, что воля к победе – это не пустой звук, это реальная сила, способная творить чудеса. Даже когда врачи, один за другим, опускали руки, предрекая пожизненную инвалидность, твердя, что я никогда больше не встану на ноги, я продолжала бороться. И я победила. Потому что все возможно, если верить и не сдаваться!

(Энцефаломиелополирадикулонейропатия или энцефаломиелополирадикулоневрит – поражение и воспаление всех отделов нервной системы, характеризующееся двигательными и чувствительными нарушениями смешанного (центрального и периферического) характера. Болезнь вовлекает в патологический процесс оболочки головного и спинного мозга, спинномозговые корешки, миелиновую оболочку и сами аксоны периферических нервов, что приводит к параличу, атрофии мышц и стойким невропатическим болям. Специфического лечения до настоящего момента не существует.

Синдром Гийена–Барре объединяет группу острых аутоиммунных (аллергических) полирадикулопатий. Заболевание чаще развивается на фоне тяжелого переутомления, а также после перенесенных катаральных и вирусных инфекций.

ПРОЛОГ

Отдаляясь от дома в карете скорой помощи, я морально готовилась к смерти. Прощалась с родными улицами, с каждым знакомым поворотом, с машиной, одиноко стоявшей на парковке. Я смотрела на маму, сидящую рядом, – бледную, с опущенными уголками губ и складками меж бровей, – и пыталась запечатлеть в памяти ее лицо, каждую черточку, морщинку, каждую любимую родинку, чтобы унести ее образ с собой в небытие. Мир вокруг казался нереальным, размытым, будто я смотрела на него сквозь толщу воды. Внутри царила пустота, холодная и безжизненная, как космическое пространство. Я ждала конца.

Во мне боролись два чувства: животный ужас перед смертью и странное, почти болезненное любопытство – что будет потом? Есть ли что-то после? Вопросы пульсировали в голове, добавляя тревоги и смятения.

В холодном, безликом помещении больницы, меня раздели, как ребенка, и, совершенно беспомощную, посадили в кресло-каталку. Чувство унижения смешалось со страхом, образовав горький, тошнотворный коктейль. Папа беззвучно плакал, не пытаясь скрыть слез. Большие, тяжелые капли, скатывались по его щекам, оставляя мокрые, блестящие дорожки. Мама тоже рыдала, но, увидев слезы отца, – сильного, нестигаемого мужчины, – я вдруг все поняла. Они прощались со мной. Прощались навсегда. До этого душераздирающего мгновения я не осознавала всей глубины опасности. Но теперь, глядя на их лица, искаженные скорбью, почувствовала, как костлявая рука смерти ложилась на мое плечо.

Я смотрела на родителей до последнего, пока металлические двери лифта безжалостно не закрылись, отрезая меня от любящих взглядов. Они отправили в реанимацию своего единственного, долгожданного ребенка. С неизвестным заболеванием. С неопределенным диагнозом. Отдали в руки врачей, не зная, увидят ли меня снова. Эта мысль, как острый нож вонзилась в сердце, вызвав новую волну паники.

В реанимационном отделении первое, что бросилось в глаза, – ряды каталок, выстроившихся вдоль стен коридора. На них лежали... черные пакеты. В первые секунды я не поняла, что это, но, приглядевшись, с ужасом вскрикнула. Это были тела умерших, упакованные в пластик. Пока меня везли до палаты, я насчитала восемь таких пакетов. Возможно, в мегаполисах подобная картина казалась невозможной, но в нашей больнице провинциального южного города реальность выглядела именно так... Меня захлестнула волна леденящего ужаса, еще более сильного, чем в приемном отделении.

Восемь человек умерли здесь только за сегодня. Совсем недавно они жили, дышали, любили, а теперь... лежали никому не нужные, в мешках для трупов. Словно это была не реанимация, призванная спасти жизни, а жуткий морг, промежуточная станция на пути в небытие.

Мне показалось, что я попала в безжалостный конвейер смерти. Липкий, холодный страх пронизывал меня насквозь. Я отчетливо представляла, как мое бездыханное тело завтра окажется на одной из этих каталок, в таком же черном пакете...

В голове снова пронеслись обрывки воспоминаний: смех мамы, теплые объятия отца, беззаботные дни детства, мечты о будущем... Все это казалось далеким и нереальным, будто происходило в другой жизни. *Неужели все закончится вот так? В этом холодном, бездушном и страшном месте? Я больше не увижу рассветы, не почувствую запах дождя, не обниму родных?*

*Если врачи говорят, что нет шансов,
значит, у тебя есть все шансы их
перепобедить.*

Е. Слесарева

ГЛАВА 1

За месяц до...

Жизнь была ключом, играя всеми цветами радуги. Я блистала молодостью, красотой, целеустремленностью и успехом. Энергия бурлила во мне, подталкивая к новым вершинам, а каждый день приносил яркие впечатления и ощущение безграничных возможностей.

Мои планы были просты и понятны. Заслуженный красный диплом ядерного университета, позволяющий устроиться на востребованную работу. Вершина карьеры – инженер-конструктор первой категории – маячила на горизонте грандиозных амбиций. Рядом с профессиональным успехом в фантазиях расцветало личное счастье: встреча с тем самым, единственным, создание крепкой и любящей семьи, звонкий смех сына и дочери, наполняющие дом теплом и радостью. Порой я пыталась убедить себя в самодостаточности, твердила, что мужчина – не главное, но глубоко внутри, под слоем рациональности, таилась чувственная натура, жаждущая поддержки, ласки и душевного тепла любимого человека.

А еще... в тайниках души трепетала другая, творческая страсть. Я грезилась о признании: написать бестселлер, издать свои книги в жанре романтического фэнтези, продать стихи, чтобы они, оживленные музыкой, звучали из каждого радиоприемника, принося славу и отголоски чужих, но таких близких переживаний. Я видела себя автором, чьи слова трогают сердца миллионов, рисуя в воображении волшебные миры и истории любви, способные заставить плакать и смеяться, мечтать и верить в чудеса.

Мир лежал у моих ног, обещая исполнение самых смелых желаний. Казалось, что головокружительный танец счастья и успеха будет длиться вечно. Но, увы, судьба распорядилась иначе...

Вселенная улыбалась мне лишь до тех пор, пока однажды мой иммунитет не дал смертоносную команду самоуничтожения. Хотя... сколько можно себя обманывать? Никакого внезапного «однажды» не существовало. Под блестящей поверхностью уже зрели семена будущей трагедии, готовые в любой момент разрушить идиллию.

Если бы не роковая перемена, нежданная беда, разрушившая мою судьбу в один миг, все продолжалось бы в том же захватывающем ритме, вихре событий и эмоций. Однако история, как известно, не терпит сослагательного наклонения...

* * *

Жаркий день двадцать четвертого июля две тысячи двадцать второго года расстился передо мной холстом, готовым к написанию картины идеального летнего дня. Долгожданные каникулы после триумфальной защиты практики, оцененной строгими преподавателями на заслуженную пятерку, знаменовали не только официальный переход на четвертый, последний курс университета, но и открывали врата в целый месяц беззаботного блаженства. Позади – получение звания «Студент года 2022», заявка на премию Мэра, несколько литературных наград от Российского Союза Писателей и приглашение на должность мечты.

Солнечные лучи, словно золотые кисти художника, расписывали стены комнаты игривыми бликами, а папа, вернувшийся из длительной командировки, заряженный энергией новых впечатлений, предложил устроить импровизированную фотосессию. Идея мгновенно нашла отклик в моей душе. Это были последние студенческие каникулы перед выходом на работу – драгоценные осколки беззаботной юности, – и я твердо решила выжать из них все до последней капли! Мой список летних желаний, подобный волшебному сундуку, перепол-

ненному заветными мечтами, трещал по швам от грандиозных планов: захватывающие путешествия, ласковое прикосновение морского бриза на золотистых пляжах, душевные встречи с друзьями, смех до слез и долгие разговоры под звездным небом. Фотосессия в бескрайнем золотом море подсолнухов и на душистых стогах сена, словно сошедших со страниц пасторального романа, занимала почетное первое место в этом списке.

Я с энтузиазмом перебирала гардероб, стремясь создать неповторимый образ, гармонично вплетающийся в золотую симфонию подсолнечного поля. Волшебство макияжа и искусство прически превратили меня в настоящую нимфу, готовую порхать среди цветов. Уложила длинные, каштановые волосы в мягкие волны, обрамляющие плечи. Тушью подчеркнула и без того длинные, черные ресницы, создавая драматичный эффект «паучьих лапок». Темные тени выгодно оттеняли мои серо-зеленые глаза, делая их еще выразительнее. Надела приготовленное с вечера яркое летнее платье в пол, представляя, как оно будет живописно развеиваться на степном ветру, среди бескрайних пшеничных полей. Взяла с собой желтую блузку и короткие джинсовые шорты для фотосессии с подсолнухами, планируя позировать в разных образах. Впрочем, с моей стройной, спортивной фигурой и высоким ростом – метр восемьдесят – любая одежда смотрелась хорошо.

Ведь вечером меня ждало еще одно волнующее событие, заставляющее сердце трепетать в предвкушении – первое свидание за долгие два года! В моей голове, словно в калейдоскопе, сменяли друг друга романтические сценарии, рисуя сказочные картины. Мне казалось, что настоящее, всепоглощающее чувство просто обязано было родиться именно этим волшебным летом, в мои идеальные двадцать три.

Дорога до подсолнечного поля пролетела незаметно, словно одно мгновение. Мы с родителями, объединенные атмосферой радости и предвкушения, пели любимые песни и строили планы на ближайший месяц, предвкушая совместные приключения, которые, я была уверена, превратятся в драгоценные воспоминания. Я почти физически ощущала дыхание счастья, витающее в воздухе, наполненном ароматом нагретой солнцем травы. Прибыв на место, мы остолбенели от открывшегося перед нами вида. Бескрайнее поле, усыпанное тысячами подсолнухов, казалось огромным золотым океаном.

Мы с папой принялись за фотосессию, а мама руководила процессом, подсказывая лучшие ракурсы и позы. Я чувствовала себя настоящей моделью, позируя среди этого великолепия. Время словно остановилось, и существовали только я, солнце, подсолнухи и щелчки фотоаппарата, фиксирующие эти чудесные мгновения...

Желая запечатлеть себя в окружении низкорослых подсолнухов, я грациозно присела на корточки... и застыла, словно заколдованная невидимой силой. Встать я не смогла. Мои ноги, еще мгновение назад полные жизни и энергии, отказывались повиноваться.

Поначалу я не придавала этому значения, отмахнувшись от неприятного ощущения, как от назойливой мухи. Списала все на волнение и усталость последних дней, предшествовавших защите практики, и легкий спазм в мышцах, который, казалось, вот-вот пройдет. Но когда на следующем поле, пытаясь взобраться на стог сена, я снова почувствовала ту же странную слабость, словно невидимая рука держала меня, не давая подняться, меня охватил ужас. Предчувствие чего-то непоправимого, как черная туча, нависло надо мной. Папа, заметив мою беспомощность, с отеческой заботой помог мне забраться на вершину душистого стога, но спрыгнуть самостоятельно я уже не могла. Приземлившись плашмя на колючее сено, я почувствовала не только острую физическую боль, но и жгучую обиду, смешанную с полным непониманием. Что происходит? Этот вопрос, словно заноза, засел в моем сознании, отравляя радость прекрасного летнего дня. Неужели мои грандиозные планы на каникулы, мечты о путешествиях и романтических свиданиях рухнут, словно картонный домик? Тень беспокойства легла на мое сердце, а в глазах заблестели слезы...

Еще вчера мое тело, отточенное регулярными тренировками, было послушным инструментом, гибким и отзывчивым на каждое мое желание. Я чувствовала себя сильной, полной энергии, готовой покорять любые вершины. А сегодня... эта необъяснимая слабость, словно коварный змей, обвила мои ноги, лишая их прежней легкости и свободы. Страх, липкий и холодный, как паутина, сжал сердце, заставляя его биться чаще. Но я, собрав волю в кулак, тут же отогнала его прочь, решив разобраться с этим неприятным происшествием позже. Не хотелось портить себе этот чудесный летний день, омрачать радостное предвкушение свидания, которое рисовалось в моем воображении яркими красками романтики.

Увы, вечер не оправдал моих ожиданий, не принес того волшебства, которое я так страстно желала. Парень, на встречу с которым я возлагала столько надежд, оказался совсем не тем принцем, образ которого я рисовала в своих девичьих мечтах. Вместо фейерверка эмоций и искр взаимного притяжения – лишь разочарование и пустота. Горькие слезы текли по щекам, размывая тщательно нанесенный макияж, а в душе, подобно грозовым раскатам, нарастала паника. Мое радужное настроение таяло с каждой минутой, как мороженое на жарком солнце. Жуткое предчувствие, которое я так старательно игнорировала весь день, теперь пульсировало в висках тревожным набатом.

А вечером, когда я, уставшая и грустная, попыталась переступить через порожек ванной комнаты, меня словно молнией поразило – что-то действительно было не так. Мои ноги, словно чужие, отказывались слушаться, подгибаясь в коленях. Что это? Стресс, вызванный напряженной сессией и защитой курсовой работы? Переутомление, истощившее мои физические и эмоциональные ресурсы? Или, может быть, пресловутый синдром отличницы, годами доводящий меня до нервного истощения, снова дал о себе знать? Волна тревоги захлестнула меня, но я все еще надеялась, что это временно...

Ведь завтра меня ждала рыбалка с папой – событие, которое я предвкушала с трепетом целый год! Представляла, как мы будем сидеть на берегу реки, вдыхая утренний воздух, наполненный ароматами трав и влажной земли, как будем закидывать удочки, наслаждаясь тишиной и спокойствием природы, нарушаемым лишь пением птиц и плеском воды. Этот ежегодный ритуал, наша маленькая семейная традиция, всегда наполнял меня радостью и умиротворением. Рыбалка с папой – это не просто ловля рыбы, а возможность побыть вместе, поговорить по душам, поделиться сокровенными мыслями и чувствами. Именно поэтому я верила, что завтрашний день излечит меня от непонятной хвори, а свежий воздух и волшебство природы вернут прежнюю легкость и бодрость.

Мысленно я уже была там, на берегу реки, с удочкой в руках, и эта картина дарила мне утешение. Я решила не думать о неприятных симптомах, отложить все беспокойства на потом и полностью отдаться предвкушению завтрашнего дня, обещавшего быть наполненным весельем и семейным теплом.

Утро встретило меня ласковой прохладой и жизнерадостным пением птиц, приветствуя новый день. Мы с папой, как и планировали, отправились на наше любимое место у реки – уютный уголок, спрятанный от посторонних глаз в тени раскидистых ив. Вдыхая полной грудью свежий воздух, слушая мелодичное кваканье лягушек и тихий шелест камыша, я на какое-то время забыла о вчерашних неприятностях, словно они растворились в утренней дымке. Вот оно, настоящее счастье – простота бытия, единение с природой, бесценные моменты, проведенные с самым близким человеком! Разложив удочки и насадив наживку, я с замиранием сердца ждала первой поклевки, предвкушая азарт борьбы с хитрой рыбой.

Внезапно поплавок дрогнул и резко ушел под воду. Сердце мое радостно забилося! Я потянула удочку, но, к своему удивлению, не смогла подсесть рыбу. Леска ослабла, и я с досадой вытащила пустой крючок. «Наверное, сорвалась», – подумала я, стараясь не расстраиваться. Вскоре последовала еще одна поклевка. Уверенная в своем мастерстве, я снова резко подсекла, но результат тот же – пусто. Решив, что рыба просто объела червяка, я насадила нового, более

аппетитного, и забросила удочку. Следующая поклевка – и снова промах! Три, четыре, пять попыток – я никак не могла поймать рыбу. Меня охватило странное чувство беспомощности. Раньше рыбалка с папой всегда превращалась в увлекательное соревнование – кто больше поймает. И обычно я, признанный чемпион в нашем турнире, с гордостью вытаскивала из реки по сорок, а то и больше серебристых трофеев, не уступая пальму первенства папе. Сейчас же у меня совершенно ничего не получалось: просто не хватало сил даже поднять удочку, не говоря уже о том, чтобы выудить хоть одну рыбешку. Я украдкой посмотрела на папу, его удочка то и дело изгибалась, свидетельствуя об очередном улове. А я сидела, обессиленная и расстроенная, с пустым ведром и гнетущим предчувствием чего-то неизбежного.

Горькое, липкое разочарование заполнило мою душу. Неудача на рыбалке, которая всегда была для меня источником радости и гордости, стала последней каплей. Чувствуя, как накатывает волна необъяснимой усталости, я решила немного отдохнуть. Присела в складное кресло, стоявшее неподалеку, намереваясь понаблюдать за мастерством отца, чья удочка, казалось, притягивала рыбу, как магнит. Он, увлеченный процессом, не замечал моего упадка сил, его лицо светилось азартом и удовлетворением. Я же, наблюдая за его ловкостью и успехом, чувствовала себя еще более беспомощной и растерянной.

Спустя какое-то время, решив, что отдых помог мне восстановить силы, я попыталась встать. Но то, что произошло в следующее мгновение, заставило меня забыть обо всем на свете. Мои ноги, словно ватные, подкосились, и я неуклюже рухнула на землю, словно подстреленная птица. Попыталась подняться, опираясь на руки, но тело не слушалось. Слабость, пронзительная и всепоглощающая, сковала меня невидимыми кандалами. Я лежала на влажной траве, слушая стрекот кузнечиков и далекий плеск воды, и понимала – происходит что-то чудовищное. Страх, который я так упорно подавляла в себе, теперь вырвался наружу, ледяной волной захлестнув меня с головой. На глаза навернулись слезы. В этот момент я почувствовала, что моя жизнь больше никогда не будет прежней.

Охваченная паникой и не в силах справиться с нахлынувшим отчаянием, я поспешно укрылась в машине, будто ища защиты в ее металлическом коконе. Захлопнув дверцу, я дала волю слезам, которые градом катились по щекам, оставляя мокрые дорожки на коже. Внутри меня бушевал ураган эмоций: страх, растерянность, непонимание. Я не могла осознать, что происходило с моим телом, почему оно так предательски меня подводило. В голове осколками разбитого зеркала всплывали картины последних дней: ярко-желтое поле подсолнухов, на котором я впервые почувствовала странную слабость в ногах; попытка взобраться на стог сена, закончившаяся неуклюжим падением; и, наконец, сегодняшняя рыбалка, превратившаяся в настоящий кошмар. Все эти эпизоды, которые я поначалу списывала на усталость и стресс, теперь складывались в зловещую мозаику, предвещающая что-то жуткое, непостижимое. Предчувствие беды, которое еще вчера лишь еле уловимо витало в воздухе, теперь сгустилось в плотный туман, обвивая меня своими холодными щупальцами. Я чувствовала себя загнанным зверем, попавшим в ловушку. Что со мной? Этот вопрос непрекращающимся звоном в ушах разрывал мою душу.

Я не знала, как рассказать отцу о своей внезапной беде, как объяснить ему дикий страх, который сковал меня. Слова застревали в горле, превращаясь в невнятное бормотание. Оставалось лишь молча плакать, спрятавшись в машине. Я включила магнитола, надеясь, что знакомые мелодии смогут хоть немного успокоить разбушевавшиеся эмоции, отвлечь от гнетущих мыслей. Но музыка, обычно такая утешительная и вдохновляющая, сегодня казалась чужой и раздражающей. Каждая нота, каждый аккорд эхом отражали мою внутреннюю боль и растерянность.

В отчаянии я набрала все же набрала номер папы. Голос дрожал, а слова путались, но я все же сумела выдавить из себя просьбу срочно отвезти меня домой. Такого со мной никогда раньше не было – чтобы я прервала рыбалку, мое любимое времяпрепровождение. Еще один

пункт в моем тщательно спланированном летнем расписании провалился, оставив после себя горький осадок. Лето, которое начиналось так радужно и беззаботно, с теплыми вечерами и грандиозными планами, теперь казалось совсем другим – мрачным, тревожным, полным дурных предчувствий. Словно кто-то невидимой рукой стер все краски с холста моей жизни, оставив лишь серые размытые пятна.

Цепляясь за последнюю соломинку, я убеждала себя, что слабость — временный спазм от переутомления. Позади сложная сессия, бессонные ночи, защита курсовой... Месячная практика на заводе. Организм, словно перегруженный компьютер, дал сбой. Мне казалось, что все скоро пройдет, что это просто мышечное напряжение. «С кем не бывает? — думала я. — Упала, устала... Переживу».

Я попросила маму проколоть мне спазмолитики, способные расслабить мышцы и вернуть прежнюю подвижность. Она согласилась, хоть в ее глазах и читалась тревога. Я еще не понимала, что мои попытки списать все на усталость – лишь защитная реакция, страх перед неизвестностью. Я отчаянно хотела верить, что завтра снова буду бегать и радоваться жизни. Но в глубине души зарождалось предчувствие беды.

Двадцать шестое июля навсегда врезалось в память как день моего первого падения. Веря, что вчерашнее происшествие стало случайностью, я отправилась на прогулку с Рексом, нашим тойтерьером. Настроение было приподнятым, светило солнце, легкий ветерок играл с волосами. Мы бежали по нашей любимой дорожке, и вдруг... на следующем шаге мои ноги подкосились.

Все произошло так стремительно, что я даже не успела осознать случившегося. Еще мгновение назад я твердо ощущала под ногами упругость земли, а в следующую секунду – пустота, провал, потеря опоры. Я летела на грязную тропинку как в замедленной съемке. В лицо ударила пыль, смешанная с запахом сухой травы. Испуганный Рекс вырвал из моих рук поводок и с визгом умчался в сторону деревьев.

Я лежала, прижимаясь щекой к шершавой земле, пытаюсь прийти в себя. Тело отказывалось слушаться, в голове царила пустота. Со мной такого никогда не было. Это отозвалось не только болью от ссадин, но и тревогой – предвестником чего-то страшного и неотвратимого.

К счастью, мама оказалась неподалеку и бросилась ко мне, но паника быстро сменилась раздражением. Без ее помощи я бы не поднялась – ноги не держали. Вместо утешения и поддержки на меня посыпались упреки и обвинения в симуляции: «Ты специально придираешься, чтобы не гулять с собакой на каникулах! – возмущалась она. – Мне надоели твои фокусы!»

Я пыталась объяснить, что мне действительно плохо и происходит что-то странное. Но мои слова утонули в ее гневных тирадах. С трудом оправившись от шока, я побрела за убежавшим Рексом. Каждый шаг отдавался болью, а тело казалось свинцовым.

— Почему ты так странно ходишь? — с сарказмом спросила мама.

— Я иду нормально! — обиженно отозвалась я. — По-другому не могу!

Она не смогла разглядеть за моей неуклюжей походкой боль и страх. Списала все на глупые капризы.

Я и сама не понимала, что происходит, как в одно мгновение все изменилось. Но одно я знала точно: это была не симуляция, а страшная, непостижимая реальность, обрушившаяся на меня всей своей тяжестью. И она только начинала разворачивать свой мрачный сценарий.

Вечер, вопреки моим опасениям, прошел на удивление спокойно. Выгуливая Рекса, я ступала осторожно, словно по тонкому льду, боясь повторения утреннего падения. К счастью, обошлось без новых неприятных сюрпризов. И во мне, как росток сквозь асфальт, пробилась робкая вера: вдруг все действительно пройдет?

«Сколько людей падают, поднимаются и идут дальше», — уговаривала я себя, вцепившись в эту мысль, как в спасательный круг. Ничто не должно было испортить мое лето, мои

тщательно выстроенные планы на беззаботные каникулы. Впереди маячили поездка на море, концерты под открытым небом, романтические свидания и встречи с друзьями... Я не могла позволить этой непонятной слабости затмить ожидание счастья.

Следующий день встретил меня оглушающим, леденящим душу открытием – я не смогла спуститься по ступенькам. Выйдя из лифта с Рексом, я с какой-то необъяснимой тревогой передала маме поводок. В тот момент я не могла объяснить свой поступок даже самой себе, просто смутное, гнетущее предчувствие заставило меня подстраховаться.

Пропустив маму вперед, я начала спускаться следом. Раз, два... Всего шесть ступеней отделяли нас от выхода из подъезда. И на второй ступени я вдруг почувствовала, как нога подгибается, теряет опору. Это произошло так неожиданно, так быстро! Я не успела даже вскрикнуть, как полетела вниз, инстинктивно выставив вперед руки, чтобы хоть как-то смягчить падение.

Мои колени с размаху ударились о холодный, скользкий кафель. Резкая, пронзительная боль пронзила все тело, в глазах потемнело. Мир вокруг, еще секунду назад такой привычный и понятный, превратился в калейдоскоп размытых образов и звуков.

Несколько мгновений я лежала неподвижно, ошеломленная ударом, прислушиваясь к бешеному стуку собственного сердца. Все вокруг казалось нереальным, будто я провалилась в какой-то кошмарный, вязкий сон. Холодный кафель обжигал кожу, попыталась вдохнуть – и в легкие ворвался резкий запах пыли. Наконец, собрав остатки сил, я села, опираясь на дрожащие, непослушные руки.

Взгляд упал на разодранные колени, с которых сочилась кровь, превращаясь в липкую, грязно-красную массу. Кожа на ладонях была стерта. Но самое страшное зрелище ждало меня на правой ноге: большой палец был разодран до мяса, ноготь наполовину оторван, обнажая чувствительную плоть. От вида этой раны меня замутило, волна тошноты подкатила к горлу, сдавливая дыхание.

«Ужас», – прошептала я, чувствуя, как горячие слезы градом катятся по щекам. Двадцать седьмое июля стало черной меткой в календаре моей жизни, днем, когда беззаботная радость и предвкушение счастья сменились животным страхом и мучительным непониманием. Почему мое тело, всегда такое послушное, сильное и выносливое, вдруг стало отказывать мне, предательски подводить в самый неподходящий момент?

Я сидела на холодном полу, ощущая жгучую боль в разбитых коленях и ободранных ладонях, и с нарастающим ужасом понимала, что со мной происходит что-то очень серьезное и пугающее, что-то, что выходило далеко за рамки обычной усталости и случайного падения.

Наивная надежда, которая еще вчера теплилась в моей душе, давая силы и уверенность в завтрашнем дне, рассыпалась на мелкие, острые осколки. Подняв глаза, затуманенные слезами отчаяния, я встретила с маминым взглядом – в нем читалась смесь испуга и растерянности. А в моей голове, как набатный колокол, гулко билась одна-единственная, черная, пророческая мысль: «С каждым днем становится только хуже и хуже...»

Это осознание ядовитым плющом обвивало мой разум, своими цепкими усиками проникая в потаенные уголки души, заполняя их нарастающим ужасом. Вчерашнее падение на тротинке теперь предстало передо мной в совершенно ином, зловещем свете. Оно было не просто досадным инцидентом, а громким тревожным звонком, предвестником надвигающейся беды. И сегодняшнее падение на лестнице стало пронзительным сигналом тревоги, кричащим о том, что со мной происходит что-то непоправимое, то, что я не в силах контролировать, что-то, что неуклонно разрушает меня изнутри.

Пока мама выгуливала Рекса, я медленно, прерывисто брела по дорожке, стараясь избегать малейших выбоин. Я двигалась с предельной осторожностью, словно балансируя на канате над пропастью, боясь любого неверного движения. Никаких резких шагов, кочек, бордюров – только ровная, гладкая, безопасная поверхность под ногами.

Но больше всего я боялась возвращаться домой. Одно воспоминание о лестнице, с которой я так неудачно свалилась, вызывало панический ужас. Сердце колотилось, как бешеное, а перед глазами, как кадры заезженной пленки, вновь и вновь возникала картина моего падения: я лечу вниз, беспомощно раскинув руки, мои колени ударяются о кафель, резкая боль пронзает меня, и я сижу на полу, захлебываясь слезами.

Подниматься в квартиру пришлось, преодолевая страх и боль. Я мертвой хваткой схватилась за перила и медленно, шаг за шагом, карабкалась вверх, чувствуя, как дрожат ноги и нарастает тошнотворное ощущение беспомощности.

Заперевшись в своей комнате, я дала волю слезам. Я рыдала навзрыд, уткнувшись лицом в подушку, выплескивая всю накопившуюся боль, страх и отчаяние. В тот момент я чувствовала себя совершенно разбитой и одинокой, подобно маленькой лодке, попавшей в шторм посреди бушующего океана. Будущее, которое еще недавно рисовалось в ярких, радужных красках, теперь казалось горьким и неопределенным.

Бесконечные вопросы, словно рой разъяренных пчел, жужжали в моей голове, не давая ни минуты покоя. Что делать? Что со мной? К кому обратиться за помощью?

Вызывать скорую помощь казалось мне слишком радикальным решением. Я живо представляла себе скептические взгляды врачей, которые, скорее всего, спишут все на банальное падение. «Упала, с кем не случается, – скажут они. – Нога подвернулась, пройдет». А что, если нет? Эта навязчивая идея острой иглой вонзилась в сердце, заставив его сжаться.

Как доказать им, что дело не в случайном падении, а в чем-то гораздо более серьезном? Как передать словами то странное ощущение, будто ноги живут собственной жизнью, не подчиняясь моей воле? Как описать парализующий страх, сковывающий меня при каждой попытке сделать шаг?

Идея обратиться к платному неврологу тоже не внушала оптимизма. Вдруг он тоже не воспримет мои жалобы всерьез? Отмахнется, посоветует покой и мази? Перспектива столкнуться с недоверием и некомпетентностью пугала больше, чем сама болезнь. Я чувствовала себя запертой в ловушке собственного тела, окруженной стеной непонимания.

Двадцать восьмого июля, несмотря на недавнее падение и всепоглощающий страх, я решила снова отправиться на улицу. Это решение далось мне нелегко. Даже передвижение по квартире превратилось в настоящее испытание: я с трудом делала несколько шагов, постоянно опираясь на маму, как маленький ребенок. Мои колени, обмотанные толстым слоем бинтов, чтобы смягчить неизбежные падения, напоминали о вчерашнем кошмаре.

Я нерешительно подошла к лестнице, и меня будто ударило током. Жуткий, первобытный ужас сковал все мое существо, стиснул горло железной хваткой. Сердце бешено заколотилось, отбивая тревожную дробь. Ступени, раньше казавшиеся привычными и безопасными, теперь выглядели непреодолимым препятствием, темной, зияющей пропастью.

Я вцепилась в перила обеими руками, пытаюсь найти хоть какую-то опору. Согнула ногу, чтобы сделать первый шаг, но не смогла удержать равновесие и снова полетела вниз, ударяясь коленями и спиной о каждую ступеньку. В эту минуту я отчетливо поняла – это конец. Конец привычной жизни, иллюзий о здоровье и власти над собственным телом.

Я остро ощущала, как ситуация выходит из-под контроля, как тело, словно взбесившийся механизм, отказывалось повиноваться. Страх перед неизвестностью сжимал сердце ледяной рукой. Парадоксально, но в этом водовороте отчаяния я не полагалась на помощь врачей. Доверие к ним было сильно подорвано после долгих лет борьбы с вегетососудистой дистонией и жуткими приступами, преследовавшими меня с восьми лет. Три анафилактических шока, каждый из которых мог стать последним, и полная беспомощность медиков перед лицом этой опасности, оставили глубокую травму.

Следующие сутки принесли новую, еще более острую волну разочарования – я не могла сама сделать и нескольких шагов. Видя мое состояние, мама не выдержала. В моих глазах, пол-

ных тревоги и бессилия, она читала безмолвный крик о помощи, мольбу о спасении. Дрожащими руками набрала номер своей знакомой, невролога из платной клиники, и, с трудом сдерживая рыдания, сбивчиво описала мои пугающие симптомы. Доктор, внимательно выслушав мамин рассказ, предположила возможность очага поражения в головном или спинном мозге и настоятельно рекомендовала сделать МРТ. С результатами обследования нужно было немедленно прийти к ней на прием.

Этот вариант, хоть и не внушал особого оптимизма, был единственным шансом, за который мы могли ухватиться. Записались на МРТ в тот же день, стараясь не терять ни минуты. Казалось бы, центр находился совсем рядом с домом, минут десять пешком, но в моем состоянии эта короткая дистанция представлялась непреодолимой. Даже путь до такси превратился в мучительное, изнуряющее испытание.

Я несколько раз падала, ноги подкашивались, словно из них вынули все кости, превратив в желе. Мама с трудом поднимала меня, ее лицо было мертвенно бледным, а руки дрожали от напряжения. Ей было невероятно сложно довести меня и усадить в машину, она гораздо ниже меня ростом и физически не справлялась с моим весом. А папа, как назло, был в командировке, далеко от дома, и ничего не знал о происходящем, о том кошмаре, в который превратилась наша жизнь. Эта мысль добавляла еще больше тревоги: как он отреагирует на такие чудовищные новости?

Превозмогая слабость и головокружение, мы добрались до кабинета МРТ. Дальше маму не пустили. Оставшись одна, я столкнулась с новой проблемой: мои руки, которые до этого хоть как-то функционировали, внезапно почти отказали. Раздеться самостоятельно я не могла. Медсестра, помогая мне снять одежду и надеть халат, невольно бросила взгляд на мои многочисленные синяки. Синие, зеленые, желтые – словно художник-абстракционист разбросал свои краски по моему телу. Старые и новые, они пестрели на ногах, локтях, предплечьях, безмолвно свидетельствуя о недавних падениях. Разодранные колени добавляли этой картине оттенок трагичности. Я заметила в ее глазах тень подозрения, но, собрав остатки сил, выдавила из себя слабую улыбку: «Упала пару раз». В этой фразе было столько горькой иронии и отчаяния, что хотелось провалиться сквозь землю от стыда и беспомощности.

Результаты МРТ оказались чистыми – никаких очагов и патологий. Эта неопределенность в заключении, словно зловещая тишина перед бурей, вызвала во мне странную смесь облегчения и подавленности. С одной стороны, теплилась робкая радость – отсутствие страшных диагнозов, которые неотступно преследовали меня в воображении, давало надежду на благополучный исход. С другой, в душе шевелился червь сомнений, напоминая о том, что тело продолжало бунтовать, сигнали о неполадках, которые не улавливали медицинские приборы.

Выйдя из центра МРТ, мы с мамой, измотанные и удрученные, вызвали такси. Учítывая, что дом находился буквально через дорогу, водитель, молодой парень с беспечным взглядом, неожиданно рассмеялся, коротким, резким смешком, и, покачивая головой, пробормотал сквозь зубы что-то вроде: «Вот чудачки!». Он, очевидно, посчитал нас странными, не понимая, что для меня несколько шагов, которые он преодолевал за пару секунд, были равносильны изнурительной марафонской дистанции.

Эта невольная жестокость резанула по нервам, добавив очередную щепотку унижения. За считанные дни мой мир перевернулся с ног на голову, превратившись в какую-то абсурдную карикатуру, а я, как слепой котенок, пыталась найти свой путь в этой новой враждебной Вселенной.

За окном, будто насмехаясь над моим заточением, стоял прекрасный летний день, залитый солнечным светом. Мои однокурники радовались долгожданным каникулам: кто-то уже уехал на море, кто-то наслаждался отдыхом в городе. А я вместо ласкового приобоя и теплого песка видела белые стены клиники и ощущала на себе шероховатую, неприятную ткань больничного халата во время МРТ.

Время до вечернего приема тянулось мучительно долго. Я казалась себе загнанным испуганным зверем. Томительное ожидание вердикта высасывало из меня последние капли сил. Наконец, пробила назначенный час. В кабинете неврологии царил стерильная чистота и профессиональная отстраненность. Доктор, строгая женщина с пронизательным взглядом, осмотрела меня, проверила рефлексы, постучала молоточком по коленям. Затем, к моему изумлению, она произнесла фразу, от которой на несколько секунд я перестала дышать: «У тебя, в принципе, все в порядке. Не вижу причин для такой слабости и спазмов. Я думаю, ты симулируешь. Такое бывает у подростков, которым не хватает внимания». В голове зазвенело. Это было так абсурдно, что я не смогла сразу ответить. В горле застрял комок, глаза наполнились слезами. «Ведь я не подросток» – сразу появилась мысль. Вместо компетентного мнения я получила обвинение во лжи. Визит к специалисту, на который я возлагала столько надежд, обернулся фиаско.

Собравшись с силами, я возразила: «Мне двадцать три года, я взрослый человек. У меня нет потребности во внимании. Я лишь прошу помощи». Врач, явно не ожидавшая такого поворота, быстро перестроилась: «Значит, ты просто переволновалась на сессии». И, не вдаваясь в объяснения, выписала психотропные препараты «для успокоения».

По ее просьбе я, с трудом преодолевая слабость, попыталась пройти по кабинету. Каждый шаг отдавался слабостью в ногах, они заплетались, будто спутанные нитки. «В общем, переставай искать у себя сложные диагнозы и приходи в себя. Все сразу наладится», – фыркнула невролог, смерив меня презрительным взглядом. Слезы, которые я до сих пор сдерживала изо всех сил, хлынули из глаз горячим потоком. Но она лишь снисходительно улыбнулась, словно разговаривала с капризным, избалованным ребенком, и, не скрывая своего скептицизма, проводила нас к выходу, как непрошенных гостей.

Я вышла из кабинета, чувствуя себя униженной и оскорбленной. В душе клокотала смесь гнева, обиды и безысходности. Мысли, беспорядочные и пугающие, вихрем кружились в голове, рисуя самые пессимистичные картины будущего. Интуитивно я уже понимала: это не временное недомогание, не сбой в сложной системе моего организма, а начало катастрофы.

Дома, услышав о неутешительных результатах визита к неврологу и видя мое подавленное состояние, граничащее с истерикой, бабушка, настояла на вызове скорой помощи.

Эта перспектива – снова больницы, врачи, бесконечные обследования, холодные приборы – повергла меня в ужас. Я поддалась панике, которая с каждой минутой нарастала, как снежный ком. «Не надо, не хочу ехать, оставьте меня в покое!» – твердила я, словно заклинание, накручивая себя все сильнее. В итоге этот бессмысленный бунт закончился судорожным приступом. Подскочило давление, и тут же, как ни странно, пришло облегчение. Мне показалось, что это мой щит от больницы. «Меня не увезут, – думала я, – врачи больше не потревожат, я останусь дома».

Но это был самообман, жалкая попытка отсрочить неизбежное. Разум твердил, что высокое давление – не спасение, а еще один симптом, звено в цепи загадочной болезни, неумолимо меняющей мою жизнь. Как бы я ни сопротивлялась, пришлось принять горькую правду: как раньше, уже не будет. Этот факт тяжелым камнем лег на душу, давя своей неотвратимостью.

Утром чуда не произошло – мне становилось только хуже. Путь от спальни до кухни, который раньше занимал несколько секунд, стал непобедимой преградой. Я усердно пыталась встать, напрягая все мышцы, но старания были тщетны. Ноги безвольно болтались, не реагируя на команды мозга. Я оказалась пленницей непонятной болезни, которая стремительно отнимала у меня способность двигаться, жить полноценной жизнью. Мир вокруг сузился до размеров моей кровати, а будущее представлялось сплошным черным пятном.

Мама с трудом довела меня до кухни. Но даже сесть самостоятельно я уже не могла – ноги подкашивались, и я падала, безвольно оседая на сиденье. «Плюх!» – отдавалось эхом в моей голове, и острая боль пронзала копчик.

Сквозь пелену уныния, в сознание прорвалась чудовищная, но отрезвляющая мысль: я больше не справлюсь сама. Это была точка невозврата, когда стало очевидно, что без квалифицированной медицинской помощи мне не выкарабкаться. Гордость и страх отступили перед лицом обреченности. Я согласилась вызвать скорую, все еще надеясь, что доктора разгадают загадку моего недуга и вернут мне нормальную жизнь.

С приездом медицинской бригады начались очередные испытания на прочность. Врач, мужчина средних лет с усталым взглядом, осмотрел меня, выслушал и, как под копирку, повторил слова невролога о симуляции. В его голосе явно слышалось раздражение. Он тоже не принял мои страдания всерьез. Не поверил в падения, вызванные неспособностью контролировать тело. Не видел, что мои колени жили собственной жизнью. Меня буквально вычеркнули из списка пациентов, приписав мои несчастья к притворству.

Но мама не собиралась сдаваться. Она подобно львице, защищающей своего детеныша, устроила громкий скандал, требуя госпитализации. Ее настойчивость и непоколебимая вера в то, что со мной происходит что-то серьезное, в конце концов, сломили сопротивление медиков. Меня отвезли в больницу.

Там меня осмотрел дежурный невролог. Он, как и его коллеги, не нашел ничего конкретного, не выявил очевидных причин моего состояния, но, к счастью, не стал обвинять меня во лжи, не отмахнулся, как от назойливой мухи. Внимательно выслушав мои жалобы, изучив историю болезни, он предположил, что это может быть полинейропатия – заболевание периферических нервов.

И предложил госпитализацию, добавив при этом: «Я могу, конечно, вас сейчас положить, но для подтверждения диагноза необходимо пройти электронейромиографию (ЭНМГ). Сегодня суббота, а у нас она будет только в четверг. Получается, вы будете лежать здесь несколько дней просто так, без специфического лечения. Но выбор за вами».

В итоге, взвесив все «за» и «против», мы согласились на компромиссный вариант: пройти ЭНМГ во вторник в платной клинике у врача, единственного в нашем городе, кто делал такое обследование (запись, к счастью, была свободна, ведь он делает ЭНМГ и бесплатно в больнице, и платно в медцентре), а заодно сдать анализ крови на креатинфосфокиназу (КФК), чтобы проверить наличие воспалительного процесса в мышцах. И если все окажется плохо, меня положат по результатам обследования.

С этой договоренностью и тлеющей искрой надежды мы отправились домой. Несмотря на неопределенность, мысль о том, что хоть какой-то план действий был намечен, придавала сил. Оказавшись на улице, мы столкнулись с новой проблемой: скорая, разумеется, обратно нас не повезла, пришлось вызывать такси. Два санитара и мама, поддерживая меня с обеих сторон, еле дотащили меня до машины. Обессиленная и расстроенная, я опустила на заднее сиденье.

Находясь в карете скорой помощи, я уже смирилась со стационаром, лишь бы мои мучения поскорее закончились. Слезы текли по щекам, я судорожно цеплялась за мамину руку, умоляя: «Ты же будешь ко мне приходить? Ты же будешь меня навещать каждый день? Меня же там вылечат, правда? Они же поймут, что со мной?» Я готова была лечь куда угодно: в душевую общую палату, в стерильную реанимацию – лишь бы нашли причину моей изматывающей болезни, но я снова возвращалась домой ни с чем. Мы поделились своими переживаниями с таксистом, и он, пытаясь хоть как-то утешить, неожиданно выдал: «Так вы проколите гормоны и антибиотики, мало ли что, ведь должно же помочь». Мы с мамой, несчастные и растерянные, переглянулись. У него, конечно, не было медобразования, но этот наивный совет показался нам хоть какой-то зацепкой.

Когда машина подъехала к подъезду, я вновь проявила упрямство и попробовала выйти своими силами. Открыла дверь, выставила одну ногу, затем вторую, оттолкнулась... и тут же рухнула на шершавый асфальт. Ноги, будто чужие, безвольно валялись на земле. К счастью, таксист увидел в стекло заднего вида мое падение и выскочив из машины, принялся помогать

маме поднимать меня с дороги. Спасибо ему! С одной стороны, было стыдно за свою слабость, с другой – приятно, что есть еще добрые люди на свете.

Тридцать первого июля папа вернулся из командировки. Увидев меня, он застыл на пороге, как громом пораженный. Теперь я могла самостоятельно только лежать, беспомощно раскинувшись на кровати, прикованная к ней невидимыми цепями болезни и ходить до кухни медленно, с маминой помощью. Это жалкая сцена стала для него ударом.

Но этот день был особенным – День Военно-Морского Флота! А я так люблю салют, он всегда символизировал для меня нечто большее, чем торжественный фейерверк – это был волшебный ритуал, момент чистой, ничем не замутненной радости. Расцветающие в бархатном ночном небе огненные цветы, тихо загаданные желания, ликующая, охваченная всеобщим восторгом толпа, свистки мужчин и звонкий, заразительный смех детей – все это было неотъемлемой частью моей жизни. И я не могла без боя пропустить этот праздник. Я умоляла родителей отвезти меня на набережную, дать мне возможность хоть краем глаза взглянуть на это завораживающее зрелище. В моей просьбе было столько печали и тоски по прежней жизни, что они, несмотря на все сложности, согласились.

Я всегда старалась посещать все городские мероприятия, невзирая на обстоятельства. Даже в тринадцать лет, после аварии на скутере, с переломом челюсти, перебинтованными руками и ногами, я, словно ветеран войны, отправилась на парад Победы. Перемазанная зеленкой, с перекошенным от травмы лицом, я стояла в толпе, преодолевая боль и головокружение. Врачи прописали строгий постельный режим на две недели, но я не могла пропустить этот важный день памяти и скорби. Сейчас я тоже не собиралась отказываться от праздника из-за болезни. Это было нерядовое событие для нашего города: корабли, торжественно проходящие по Цимлянскому водохранилищу, brave моряки, роскошный салют... И мы поехали – я, родители и тот самый молодой человек – Вадим, с которым состоялось неудачное свидание неделю назад.

Он поддерживал меня с одной стороны, отец – с другой. Я, цепляясь за них, с трудом переставляла ватные ноги. До главной сцены мы так и не дошли, остановившись посередине набережной, чтобы полюбоваться разноцветными огнями, пестрящими в ночном небе. А потом, по предложению моего друга, немного отъехали в сторону. Он увлекался астрономией и знал, что в эту ночь будет звездопад. И действительно, по темному небосклону одна за другой стали сыпаться звезды – пришло время загадывать желания. И все мы, каждый про себя, просили об одном: чтобы эта странная хворь отступила, чтобы ноги снова стали сильными и послушными. О руках я тогда еще почти не думала, хотя и чувствовала нарастающую слабость. Но в тот момент главной проблемой были ноги, вернее, их почти полная дисфункция. Падающие звезды, казалось, несли с собой надежду на исцеление, шептали обещание о возвращении к счастливой жизни.

Все эти дни меня мучила невысокая, но изматывающая температура – тридцать семь и три. Казалось бы, пустяк, но это постоянное, липкое ощущение жара невидимой паутиной опутывало меня и лишало сил. Тело ломило, словно по нему прошлись тяжелым катком, а голова была чуждой.

Первого августа наступил мамин день рождения. Каждый год я старалась сделать этот день особенным для нее, покупала большой, красивый торт – мама их просто обожала, ее глаза при виде красивого десерта всегда светились детской радостью. Мне всегда хотелось порадовать ее чем-то необыкновенным, увидеть ее счастливую улыбку, почувствовать тепло объятий. Но в этом году все было иначе. Я даже выйти из подъезда не могла, не то, что отправиться за подарком, выбирать его, предвкушая мамину реакцию. Торт и огромную корзину цветов купил папа.

Меня кое-как довели до кухни и усадили за стол. Мы пили чай с тортом, стараясь создать какое-то подобие праздника, хоть ненадолго забыть о нависшей над нами беде. Мне захоте-

лось сфотографироваться с цветами. Корзина, как всегда, была великолепна: яркая, пышная, благоухающая, словно кусочек райского сада. Я прислонилась к стене, боясь упасть, если не буду на что-то опираться, – ноги снова казались чужими. Папа начал фотографировать, затем передал мне цветы. И в этот момент я поняла всю серьезность ситуации, всю глубину бездны, в которую я стремительно падала. Мои руки, ослабевшие и непослушные, словно тонкие ветки на осеннем ветру, не смогли удержать даже легкий букет. Цветы выскользнули из моих пальцев и, если бы не быстрая реакция отца, упали бы на пол. Это было еще одно грозное подтверждение того, что с моим телом происходило что-то неладное. Я понимала: болезнь прогрессирует, неумолимо захватывая новые территории моего организма.

В тот же день мне предстояло пройти электронейромиографию (ЭНМГ) и сдать кровь на креатинфосфокиназу (КФК). К счастью, папа теперь был дома и отвез нас с мамой в клинику, где помог мне добраться до кабинета. Именно там, в этом стерильно-белом помещении, началось самое страшное.

Я знала, что ЭНМГ – современный метод диагностики заболеваний нервов и мышц, что во время процедуры к исследуемым участкам прикрепляют электроды и воздействуют на них слабыми электрическими импульсами. Но я и представить не могла, насколько это болезненно.

Врач, обаятельная девушка, начала процедуру, прикрепив электроды к моим рукам, сначала к большому пальцу. С каждым нажатием кнопки, с каждым усилением импульса, меня пронзала дикая боль, которая молнией проходила от кончика пальца до плеча. Я стискивала зубы, стараясь не издать ни звука, свободной рукой сжимала платок, комкала его, пытаюсь удержать в себе эту адскую боль. Слезы непроизвольно текли по щекам. Мама, сидящая напротив, молча наблюдала за моими мучениями, ее глаза были полны сострадания и грусти. В кабинете повисла тяжелая тишина, прерываемая лишь щелчками аппарата и моими сдавленными всхлипами.

Страх закричать был настолько силен, что я до крови прикусывала губу, пытаюсь заглушить рвущийся из груди крик. Зубы скрежетали, челюсти сводило судорогой, но я из последних сил продолжала терпеть, пока электрические разряды, словно раскаленная лава, не начали отдавать в поясницу, прокатываясь по всей ноге с невыносимой, всепоглощающей болью. Каждая клеточка моего тела надрывалась от страданий, казалось, это никогда не закончится. Голова кружилась, перед глазами плыли темные круги. В какой-то момент я не выдержала и глухо застонала, проклиная свою беспомощность. Мама закрыла глаза, она больше не могла наблюдать эту картину. Папа ждал за дверью, ничего не подозревая. Доктор, заметив мое состояние, сказала, что многие пациенты кричат во время процедуры, и в этом нет ничего постыдного.

Перед электронейромиографией мы с мамой долго спорили. Она настаивала на обследовании только ног, убежденная, что с моими руками все в порядке. Ее пугала не только сама процедура, но и возможные дополнительные расходы. Мне пришлось привести весомые аргументы: я напомнила, что с трудом удерживаю даже легкие предметы, как не смогла поднять праздничный торт и как букет цветов выскользнул из ослабевших пальцев. Рассказав о недавней рыбалке, где не смогла подсесть рыбу, я убедила маму в необходимости проверить и руки. И, как выяснилось, не зря.

Результаты ЭНМГ выявили поражение нервов в руках, тогда как показатели для ног оказались в пределах нормы. Впрочем, сама шкала оценки – от 0 до 10, где даже единица считалась нормой, – вызвала у меня серьезные сомнения. В заключении говорилось о легком аксонально-демиелинизирующем поражении моторных волокон рук с обеих сторон, более выраженном справа, с поражением, к счастью, только одного нерва. Остальные нервы в руках и ногах, если верить исследованию, были в порядке. Мама, потрясенная моими терзаниями и, возможно, подсознательно отказывающаяся верить в серьезность диагноза, категорично заявила, что этой «хваленой современной диагностике» грош цена.

В машине я подробно рассказала папе о нестерпимой боли, о сжатом в руке платке, о том, как тело содрогалось от каждого электрического импульса. Он старался меня успокоить, говоря, что раз уж я выдержала ЭНМГ, то и со всем остальным мы справимся. Мы еще не знали, насколько наивны наши надежды и какое сложное испытание нам предстоит. Это было только начало долгого и извилистого пути к диагнозу и лечению.

Второго августа я уже не решалась выходить на улицу – тело стало совершенно неподвластным. Дома я передвигалась, цепляясь за стены и мебель. Понимая, что спуститься по лестнице самостоятельно не смогу, а вечером на набережной должен быть праздничный салют в честь Дня ВДВ, я взмолилась о помощи родителей. В связи с недавними событиями я боялась, что это может быть последний салют в моей жизни. Несмотря на относительно обнадеживающие результаты ЭНМГ, гнетущее предчувствие не покидало.

Вечером, уступив моим уговорам, родители снова отвезли меня на набережную. Мы припарковались довольно далеко, до сцены нужно было пройти не меньше километра. Сделав пару шагов, опираясь на маму и папу, я поняла – не дойду. Ноги отказывались слушаться, накатывала слабость, и мы вынуждены были вернуться.

Праздничный фейерверк я смотрела, облокотившись на капот машины, чувствуя, как по щекам текли слезы разочарования и страха перед неизвестностью. Глядя на распускающиеся в ночном небе огненные цветы, я загадала желание: снова начать ходить, бегать, танцевать, вернуть то беззаботное время, когда болезнь еще не вторглась в мою жизнь. Я мечтала снова гулять по городу, свободно и уверенно. В тот момент эта простая мечта уже казалась недостижимой, почти фантастической.

На следующий день папа, видя мои страдания, купил наколенники и налокотники с поролоновыми вставками. Он надеялся, что они хоть немного смягчат неизбежные падения. Руки и ноги уже покрывали многочисленные синяки и ссадины – печальные свидетельства моей слабости. Каждое движение превращалось в пытку, а страх упасть преследовал постоянно.

Готовясь к прогулке по квартире, я надела свои новые приспособления наколенники, налокотники и, по совету папы, специальный мягкий ошейник. Голова казалась непомерно тяжелой, шея болела и плохо ее держала, создавалось ощущение, что она вот-вот свернется набок, словно у подсолнуха, тем более с шейными позвонками у меня проблемы с рождения. Этот ошейник, обычно используемый после травм, должен был защитить меня от возможных повреждений. Выглядела я довольно комично, похожая на робота или неуклюжего космонавта перед выходом в открытый космос. Но мне было не до смеха. Ужас и беспомощность затмевали все остальные чувства. Я ощущала себя в ловушке собственного тела, которое изменяло мне, превращая из активной и жизнерадостной девушки в ущербное, зависимое существо.

С того вечера сохранились фотографии: родители вывезли меня и Вадима, который, как мне тогда казалось, ухаживал за мной, на набережную. Я стояла на своем любимом месте, смотрела на воду, но на лице ни тени улыбки. На мне – наколенники, налокотники, ошейник... Вместо радости от прогулки – горечь и разочарование. Мой сопровождающий стоял рядом смотрел на меня пустым, равнодушным взглядом. Ни капли сочувствия, ни искры влюбленности, которую я так хотела увидеть. В тот момент я осознала, что он точно не мой человек. Дело было даже не в неудавшемся свидании, а в его полном безразличии к моему состоянию, к моей боли. Мне стало невыносимо находиться рядом с ним, и мы быстро попрощались. Родители отвезли меня домой.

Я понимала: неприятности только набирают обороты, и это лето, обещавшее быть таким ярким, превращалось в самый жуткий кошмар. Предчувствие не обмануло. Меньше, чем через сутки мои опасения подтвердились с пугающей ясностью, и мир вокруг начал стремительно рушиться.

Четвертого августа я утвердилась в мысли, что серьезно больна. Но обо всем по порядку... Нестерпимо захотелось побывать на Дону – моей любимой реке, окунуться в про-

хладную воду, почувствовать ее живительную силу. Возможно, в последний раз этим летом... До этого мы с мамой ездили только на городской пляж, который я не любила из-за обилия лягушек и змей. Родители, видимо, тоже понимали наши перспективы, поэтому согласились отвезти меня туда до обеда.

Я с трудом натянула купальник и халат – надевать шорты и майку было слишком тяжело. Не забыла и про наколенники с налокотниками – моих постоянных спутников. По дороге к реке мы проезжали мимо поля с золотистыми тюками сена. Неожиданно для себя я попросила папу остановиться и сфотографировать меня рядом с одним из них. Выглядела я, конечно, не лучшим образом: бледная, замученная, в этих нелепых защитных приспособлениях. Даже стоять самостоятельно я не могла и опиралась на тюк сена. Позже, уже в больничной палате, я буду смотреть на эту фотографию, вспоминать тот день и думать, что тогда все еще было не так плохо... Эта фотография станет для меня символом потерянной беззаботности, напоминанием о том, как быстро и неожиданно может измениться жизнь.

Проблемы начались, когда мы, выбравшись из машины, пошли по горячему песку к реке. Мои колени подгибались, ступни увязали в песке, ноги мельтешили, как макароны, отказываясь подчиняться. Я держалась за родителей, опираясь на них всем своим весом, но все равно теряла равновесие.

Дойдя до воды, я с облегчением окунулась в прохладную речную гладь, надеясь поплавать, как раньше. Но вместо привычной легкости почувствовала, что тону, словно камень. Это открытие стало сокрушительным ударом. Я, всегда прекрасно плававшая, теперь беспомощно барахталась, захлебываясь и уходя под воду. Как ни старалась работать руками и ногами, тело не слушалось. Папа, увидев мое фиаско, стал поддерживать меня под живот, как маленького ребенка. Но я не могла даже выпрямить ноги, чтобы оттолкнуться от дна. Спина одеревенела, и я продолжала бестолково барахтаться подобно марионетке с обрезанными нитями.

После того, как я чуть не утонула, родители начали вытаскивать мое тело из воды. В какой-то момент они не удержали меня, и я упала на песок, раздрав колени и ладони. Еще одно падение произошло возле машины. Папа торопливо надел на меня наколенники и налокотники, но кровь уже пропитала одежду, прилипая к защитным накладкам. Боль была зверской. Я поняла: дальше тянуть нельзя, нужно срочно обращаться к специалистам.

Хотя большинство медиков и списывали все на стресс, я точно знала, что переживания из-за практики, курсовой или сессии были не настолько сильны, чтобы так резко потерять способность ходить и плавать. В моей жизни бывали ситуации и посерьезнее, но сейчас организм будто сошел с ума. По дороге домой мама записала меня на прием к опытному неврологу – он сорок с лишним лет проработал в нашем городе, а теперь, выйдя на пенсию, принимал пациентов в частной клинике. Доктору было не меньше семидесяти, и мы надеялись, что за свою долгую практику он видел немало подобных случаев и сможет помочь.

Дома меня, обессиленную, дрожащую от отвращения к себе и внезапно накатившей лихорадки, кое-как погрузили в ванну. Нужно было смыть песок и грязь с кровоточащих ран. Теплая вода, вместо облегчения, принесла волну тошноты и головокружения. Выбравшись из ванны, я почувствовала, как жар разливается по всему телу. Температура подскочила до 38, мышцы ломило, а разбитые колени и ладони пульсировали огнем. Кожа вокруг повреждений покраснела и отекала, малейшее прикосновение отзывалось острой болью. Меня уложили в постель, и я провалилась в тяжелый, беспокойный сон, прерываемый стонами и бессвязным бредом.

После обеда мы отправились к неврологу. Сердце сжималось от волнения, предчувствие трагедии повисло в воздухе густым туманом. Клиника находилась совсем рядом, но эти несколько сотен метров казались непреодолимыми. Я не могла самостоятельно выйти из машины – папа осторожно вытаскивал меня из салона, поддерживая под мышки. С трудом, преодолевая мою слабость и собственную растущую тревогу, родители довели меня до каби-

нета врача. Когда мы вошли, я заметила, как округлились глаза доктора – мое состояние, очевидно, произвело на него сильное впечатление.

Он начал осмотр с проверки рефлексов. Знакомые постукивания молоточком по коленям, по локтям... и пугающая тишина. Никакой реакции. Рефлексы полностью отсутствовали. Это противоречило заключению предыдущего врача, который всего несколько дней назад утверждал, что мои рефлексы в норме. Я не знала, кому верить. Невролог, заметив мое замешательство, пояснил, что именно рефлексы отвечают за устойчивость ног, и их отсутствие объясняет мою внезапную неспособность спускаться по лестнице: ноги не фиксируются в нужном положении, теряют опору, подгибаются, и я падаю. Это прояснило механику падений, но не причину.

Меня поразил не столько сам факт отсутствия рефлексов, сколько испуг врача при нашей встрече. Неуверенным голосом он предположил, что рефлексы могут восстановиться, но, по его словам, это был один из первых и самых тревожных симптомов тяжелого неврологического заболевания. Выслушав мой невнятный рассказ о нарастающей слабости, о внезапно подскочившей температуре и злополучном купании в реке, он заключил, что купание спровоцировало сильное воспаление, которое и стало спусковым крючком для такого резкого ухудшения. От его слов по коже пробежали мурашки.

Врач покачал головой, с сочувствием отметив, что встречал пациентов с подобными случаями. «Сейчас, конечно, сложно судить» – добавил он, взглянув на мои практически неподвижные ноги. Мама, стараясь говорить спокойно, подробно описала все симптомы, появившиеся еще с первого дня каникул, после чего воцарилось молчание, показавшееся мне вечностью. Наконец, доктор тяжело вздохнул и озвучил свой предварительный диагноз: демиелинизирующее заболевание – синдром Гийена–Барре. Смертельно опасное заболевание... В голове зашумело. «Нужно немедленно вызывать скорую» – голос специалиста доносился будто издалека, сквозь вату. Его догадки прозвучали как приговор, и мир вокруг померк...

Для подтверждения диагноза требовалась люмбальная пункция – анализ спинномозговой жидкости. В тот момент я имела смутное представление об этой процедуре. В памяти всплыл рассказ мамы о пункции коленного сустава, когда у нее был разрыв связок, и я наивно полагала, что это нечто вроде обычного укола. Боже, как я ошибалась! Столкнувшись с этой манипуляцией лицом к лицу, я поняла, насколько она сложна, болезненна и пугающа.

Мысль о немедленной госпитализации вызвала у меня неконтролируемую панику. Горло сжалось, стало трудно дышать. «Пожалуйста, не сейчас» – прошептала я, умоляюще глядя на родителей, – «Мне нужно... немного времени.» Я должна была собраться с духом, приготовиться к неизвестности, попрощаться с родными стенами и привычной жизнью, ускользавшей от меня с каждой минутой. Врач, понимая мое состояние, смягчился. Не настаивая на сиюминутном отъезде, он выписал направление в реанимационное отделение и попросил приехать туда в течение часа. Он даже не взял денег за прием – настолько критическим казалось ему мое положение. Время застыло, превратившись в тягучую, вязкую массу. В голове царил хаос, вихрь из обрывков мыслей и страхов. Предстоящая госпитализация виделась мне прыжком в бездну.

Папа, стараясь не показывать своего ужаса, бережно отнес меня на руках к машине. Мама задержалась, чтобы поговорить с неврологом. Они вышли на улицу и долго стояли на крыльце клиники, о чем-то тихо беседуя. Я заметила, как по щекам мамы катились слезы, и с каждой фразой менялось выражение ее лица. Из окна машины я не могла расслышать слов. Но мучительный шепот, полные отчаяния жесты мамы, напряженная поза врача – все это создавало гнетущую атмосферу безысходности.

Много позже, когда самое страшное осталось позади, мама рассказала мне об этом разговоре. Врач поделился с ней историями о двух пациентах с таким же диагнозом – синдром Гийена–Барре. Оба умерли в остром периоде. Это была адская, мучительная смерть: отказ орга-

нов один за другим, удушье из-за поражения дыхательной системы, необратимые изменения в головном и спинном мозге... «Если хотите, чтобы ваша дочь выжила, нужно немедленно в больницу. С каждой потерянной минутой шансы уменьшаются,» – эти слова звучали в маминих ушах похоронным звоном.

Она плакала, лихорадочно собирая мои вещи, а я еще не до конца понимала, насколько тонка была грань между жизнью и смертью, на которой я оказалась. Лишь спустя несколько месяцев мама призналась, как доктор оценил мои шансы на выживание – один к десяти. Эта чудовищная, безжалостная статистика тяжелым грузом легла на ее материнское сердце.

Меня одели, как грудного ребенка, собрали вещи, и я, охваченная тревогой, рыдала навзрыд, пока мама вызывала скорую помощь. В голове, как кадры из страшного фильма, всплывали обрывки детских воспоминаний: семилетняя я в больничной палате, удушье, синюющие губы, анафилактический шок. Врачи тогда довели меня до критического состояния и чудом откачали. Вспомнились многолетние проблемы с сосудами, пятнадцать лет безуспешного лечения, бесконечные анализы, ненавистные утренние процедуры забора крови, холодные, безразличные пальцы медсестер на моей коже. Раньше я никогда не лежала в стационаре без мамы, а сейчас экстренно отправлялась в реанимацию, куда точно никого не пустят. Мне предстояло остаться наедине со своим горем и зловещей, давящей неизвестностью. Я неистово пыталась взять себя в руки, уговаривала, что это единственный шанс разобраться, что со мной происходит, и дома я беспомощна перед этим невидимым врагом, который день за днем отнимал у меня силы, затягивая в липкую паутину болезни. Но страх был слишком сильным, всепоглощающим. Он сковывал ледяными тисками, проникая в каждую клеточку тела и отравляя мысли.

Папа сидел рядом и беззвучно плакал, не пытаясь скрыть слез. Большие, тяжелые капли, скатывались по его щекам, оставляя мокрые, блестящие дорожки. Мама тоже плакала, но, увидев слезы отца, – сильного, нестигаемого мужчины, – я вдруг все поняла. Они прощались со мной. Прощались навсегда. До этого душераздирающего мгновения я не осознавала всей глубины опасности, витавшей надо мной. Но теперь, глядя на их лица, искаженные скорбью, я почувствовала, как костлявая рука смерти ложилась на мое плечо.

Учитывая мою адскую аллергию практически на все лекарства, отправить меня в больницу и надеяться на благополучный исход означало бросить жребий, поставить на кон мою жизнь. Даже укол лидокаина в стоматологии обернулся анафилактическим шоком, борьбой за каждый вдох, после которого меня едва вытащили с того света. В моей ситуации полагаться на счастливый случай было сродни безумию. Они действительно боялись, что больше не увидят меня живой. Что я никогда не вернусь домой.

Приехала бригада, состоявшая из пожилой женщины и мужчины с безучастным взглядом. Меня даже не стали осматривать, просто взяли направление в реанимацию. Мы решили, что мама поедет со мной, а папа последует за нами на машине с сумками. Пока мама, спотыкаясь, выносила вещи, папа осторожно спускал меня с лестницы.

В последний момент папа неожиданно задержал меня, крепко прижал к себе и, не сдерживая слез, прошептал, что очень меня любит. Просил прощения, если когда-то был неправ, что-то сделал не так, будто исповедывался. Я, захлебываясь рыданиями, ответила: «Больше всего на свете люблю вас с мамой». Навсегда запомню этот момент – лестничная площадка, запах медикаментов и лица родителей, искаженные невыносимой болью. Они отпускали меня на возможную смерть. С мамой мы не обменялись подобными словами, возможно, она просто не нашла в себе сил, боясь разбиться на куски.

Всю дорогу я морально готовилась к смерти. Прощалась с домом, с родными улицами, с каждым знакомым поворотом. Смотрела в окно на свою машину, одиноко стоящую на парковке, на маму, сидящую рядом, – бледную, с напряженными складками у губ, – и пыталась запечатлеть в памяти ее лицо, каждую черточку, морщинку, каждую любимую родинку, чтобы

унести ее образ с собой в небытие. Мир вокруг казался нереальным, размытым, будто я смотрела на него сквозь толщу воды. Внутри царила пустота, холодная и безжизненная, как космическое пространство. Я ждала конца.

Скорая мчала по улицам, разрезая сиреной густеющие сумерки. Мимо мелькали дома, деревья, люди, спешащие по своим делам, – все это казалось таким далеким, чужим, происходящим в другом измерении. Я смотрела на них, на эту обыденную, текущую жизнь, к которой я больше не имела никакого отношения. Мысли, тяжелые и медленные, как свинцовые облака, плыли в моей голове. Я вспоминала детство, друзей, смешные и грустные моменты – все то, что составляло мою неповторимую историю. Вспоминала запах маминых пирогов, тепло папиных рук, бабушкины песни и смех двоюродной сестры... Эти картинки и ощущения, такие яркие и драгоценные, обжигали болью от осознания, что я могу все потерять.

Внутри боролись два чувства: животный ужас перед смертью и странное, почти болезненное любопытство – что будет потом? Есть ли что-то после? Эти вопросы пульсировали в моей голове, добавляя тревоги и смятения. Я закрыла глаза, пытаюсь отключиться от реальности, наполненной туманными образами и дурными предчувствиями, но у меня не получалось.

ГЛАВА 2

Скорая помощь остановилась у приемного покоя больницы. Медики открыли задние двери, и я увидела инвалидное кресло. В первые секунды я не могла осознать, что оно предназначалось для меня. Шок и страх плотной завесой затмили все чувства и мысли. Реальность происходящего доходила до меня с трудом, словно сквозь вату. Медперсонал помог мне выбраться из машины. Высокие ступени скорой, раньше казавшиеся незначительной преградой, теперь превратились в непреодолимую вершину. Ноги подкосились, и я бы упала, если бы не мгновенная реакция мамы. Меня бережно усадили в кресло-каталку и повезли в приемное отделение. Папы еще не было, он ехал следом.

Сразу по прибытии мне назначили рентген легких. Самостоятельно стоять я уже не могла, поэтому процедуру проводили прямо в кресле. Холодный металл аппарата неприятно охлаждал кожу, а резкий запах больницы вызывал тошноту. Я чувствовала себя маленькой и беспомощной в этом белом, безликом мире больничных коридоров. Дремавший до этого страх проснулся и с новой силой сжал меня в своих ледяных объятиях.

Пока меня осматривали и готовили к рентгену, в приемное отделение привезли мужчину с инфарктом – бледного, с искаженным от боли лицом. Когда меня, наконец, привезли на оформление, я оказалась в очереди прямо за ним. Его оформляли два часа. Жена бегала по коридору, всхлипывала, кричала на медперсонал, пытаясь узнать, что с ее мужем, а он лежал на каталке словно мертвый. Парализованная собственным страхом, я наблюдала за разворачивающейся передо мной драмой.

Мне стало безумно жаль этого мужчину, его родных, захлестывала волна эмпатии, и я понимала, что просто умру, если останусь, умру не от болезни, а от сострадания, от ужаса перед чужой болью. Меня охватило острое желание сбежать, скрыться от этого кошмара, вернуться домой, в свой привычный мир.

Два часа я просидела на жесткой кушетке, погруженная в свои мысли. Время тянулось мучительно медленно. В голове роились тревожные мысли. С мамой я почти не разговаривала – рядом лежал мужчина с инфарктом, его жена тихо плакала, и в этой атмосфере боли и страха любое слово казалось неуместным, кощунственным.

Наконец, очередь дошла и до меня. Медсестра задала несколько вопросов, уточнила список лекарств, на которые у меня аллергия, и попросила раздеться. Я инстинктивно сжалась. Раздеться? Здесь? При посторонних? Эта мысль вызвала волну паники. Я попыталась отказаться, но мне твердо объяснили, что в реанимацию, которая находилась на втором этаже, в одежде не пускают. Меня начали раздевать. Чужие руки прикасались к моей коже, и по телу пробегали мурашки. Меня захлестнула волна стыда, вырвались наружу тщательно скрываемые комплексы. Я даже на физкультуре в школе никогда не переодевалась, находила тысячу причин, чтобы этого избежать. А здесь, в этом холодном, безликом помещении, меня раздели, как ребенка, и, совершенно беспомощную, посадили в кресло-каталку. Чувство унижения смешалось со страхом, образовав горький, тошнотворный коктейль.

Подшли родители. Мамины глаза были красными от слез, лицо – бледным и осунувшимся. Папа старался держаться, но дрожащие уголки губ и покрасневший нос выдавали его истинное состояние. Я протянула ему руку – слабую, безжизненную, но он сжал ее крепко, будто пытаясь передать мне свою силу и поддержку. В этот момент слова были лишними.

Я смотрела на родителей до последнего, пока металлические двери лифта безжалостно не закрылись, отрезая меня от их любящих взглядов. И даже когда лифт начал подниматься, я все еще видела перед собой безутешно плачущую маму и сторбившегося под тяжестью неизвестности и отчаяния папу. Они отправили в реанимацию своего единственного, долгожданного

ребенка. С неизвестным заболеванием. С неопределенным диагнозом. Отдали в руки врачей, не зная, увидят ли меня снова. Эта мысль острым ножом вонзилась в сердце, вызывая новую волну паники.

Когда я оказалась в реанимационном отделении, первое, что бросилось в глаза, – ряды коек, выстроившихся вдоль стен коридора. На них лежали... черные пакеты. В первые секунды я не поняла, что это, но, приглядевшись, с ужасом вскрикнула. Это были тела умерших, упакованные в пластик... Пока меня везли до палаты, я насчитала восемь таких пакетов. Меня захлестнула волна ледящего ужаса, еще более сильного, чем в приемном отделении.

Восемь человек умерли здесь только за сегодня. Только что они жили, дышали, любили, а теперь... лежали вот так, друг на друге, безжизненные, в мешках для трупов. Словно это была не реанимация, призванная спасти жизни, а жуткий морг, промежуточная станция на пути в небытие.

Мне показалось, что я попала в безжалостный конвейер смерти. Липкий, холодный страх пронизывал меня насквозь. Я отчетливо представляла, как завтра окажусь на одной из этих коек, в таком же черном пакете...

В голове снова пронеслись обрывки воспоминаний: смех мамы, теплые объятия отца, беззаботные дни детства, мечты о будущем... Все это казалось далеким и нереальным, будто происходило в другой жизни. *Неужели все закончится вот так? В этом холодном, бездушном месте? Я больше не увижу рассветы, не почувствую запах дождя, не обниму родных?*

Хотелось кричать, биться, вырваться из этого кошмара, но тело не слушалось. С каждой минутой, проведенной в этом жутком коридоре, надежда таяла, уступая место отчаянию и безысходности. Мысли путались, превращаясь в хаотичный вихрь образов и эмоций. Я пыталась молиться, но слова застревали в горле, превращаясь в невнятный шепот. Внутри боролись желание жить и покорность судьбе. А вокруг стояла тишина, нарушаемая лишь гулом аппаратуры и приглушенными голосами медперсонала. Она казалась еще более жуткой, чем любой крик – давила, душила, лишала последних капель надежды.

Я несколько раз переезжала из палаты в палату. Этот бесконечный круговорот усиливал чувство беспомощности и тревоги. Наконец, решили, что я буду находиться в палате рядом с сестринским постом, под присмотром. Меня уложили на бок, в позу эмбриона, для спинномозговой пункции. Все произошло так стремительно, что я даже не успела испугаться. В голове не оставалось места для размышлений, только тупая, ноющая боль и всепоглощающий страх. Врач, женщина лет тридцати, спросила об аллергии на лидокаин.

Я с трудом выдавила, что в прошлом у меня был анафилактический шок на этот препарат. Она спокойно и подробно объясняла каждый свой шаг, каждый нюанс предстоящей процедуры, уверяла, что постарается сделать все быстро и безболезненно. Ее голос звучал ровно и уверенно, но я понимала, что это была лишь попытка разрядить обстановку, ведь обычно перед пункцией пациентам вводят обезболивающее. Мне же, из-за проклятой аллергии, предстояло пережить весь этот ад наживую.

Мои руки, похожие на тонкие прутики, сжимали две санитарки, ноги – две медсестры, спину и голову – еще две, которых специально вызвали с первого этажа, их лица были сосредоточенными и напряженными. Врач приготовилась к пункции. Меня держали максимально крепко, чтобы я не дернулась, когда эта чудовищная, девятисантиметровая игла (без учета канюли!) войдет в мою кожу.

Они доходчиво объяснили, что любое, резкое движение может привести к непоправимому – к попаданию иглы в спинной мозг или нервы, а это чревато самыми серьезными последствиями, вплоть до летального исхода. Я даже не вскрикнула, только до боли стиснула зубы, пытаясь выдержать эти нечеловеческие страдания. Когда игла, наконец, покинула мое тело, я с облегчением выдохнула. Казалось, самое страшное позади. Взяв необходимый объем спинно-

мозговой жидкости, доктор аккуратно наложила повязку. Остатки боли пульсировали в пояснице, но это было ничто по сравнению с пережитым ужасом. Расслабиться, однако, не удалось.

Суровая реальность реанимации быстро вернула меня на землю. Согласно протоколу, каждому поступающему пациенту ставят мочевой катетер. И эту процедуру проводили прямо здесь, в палате, при двух мужчинах за пятьдесят, которые лежали напротив, не пропуская, казалось, ни единой детали. Кровь прилила к лицу, меня охватила волна жгучего стыда. Боль от катетера была резкой, затмевающей даже боль от недавней процедуры. Слезы бежали ручьем, затекая в уши, но я не могла пошевелиться, чтобы вытереть их. После пункции категорически запрещалось двигать руками, ногами и головой в течение суток.

Меня одели в памперс, как беспомощного младенца, укрыли тонкой, почти невесомой простыней и оставили одну. «Постарайся уснуть», – сказала медсестра, и в ее голосе проскользнула нотка сочувствия. Но как уснуть в гнетущей атмосфере боли, страха и унижения? Как отключиться от мыслей, которые, словно хищные птицы, кружили надо мной, не давая покоя?

Настенные часы, тикающие с раздражающей монотонностью, показывали полдевятого вечера. Сна не было и в помине. Все мое существо до безумия жаждало связи с родными. Хотелось позвонить маме и папе, услышать тепло их голосов, сообщить, что пункцию уже сделали, и со мной все в порядке, насколько это возможно в данной ситуации. Но в реанимации пользоваться телефоном было нельзя, потому его отдали родителям. Этот запрет казался мне особенно жестоким, лишившим последней ниточки, связывающей меня с жизнью за пределами этого стерильного, пропитанного запахом антисептиков и страхом мира. Каждая секунда превращалась в битву с навязчивыми предчувствиями, сомнениями, воспоминаниями о черных мешках в коридоре.

За окном стояла нестерпимая августовская жара. Воздух раскалялся до сорока градусов и выше, зной не спадал ни вечером, ни ночью. В палате было так душно, что воздух обжигал легкие. Окна открывать запрещали, сплит-системы не было. Мы лежали, мокрые от пота, в одних памперсах. Кожа зудела, тело ныло, постоянно терзала жажда. Внезапно в коридор вошли санитары и начали выносить черные пакеты с телами умерших. Моя койка стояла напротив лифта, и я видела все: грубость, остервенение и неуважение к безжизненным телам. Меня захлестнула паника, я закричала. Медсестры пытались успокоить: «Не нужно бояться мертвых, они вам уже ничего не сделают. Это просто пакеты». Хотелось завопить, что бояться нужно живых, тех, кто не смог спасти этих бедных людей.

С комом в горле я наблюдала этот безмолвный ужас, содрогаясь каждый раз, когда в лифт грузили очередной зловеющий мешок. Медсестры, видя мое истеричное состояние, поспешили закрыть дверь в коридор. Но тонкая пластиковая перегородка была полупрозрачной, предательски пропуская мелькающие силуэты санитаров и их бесцеремонное обращение с трупами.

В тот самый момент папа сидел внизу и ждал результатов моих анализов, с тоской вспоминая, как в той же реанимации год назад у него не стало отца. Его разрывало от мысли, что завтра на этом месте могла оказаться я, его единственная дочь. Этажом выше меня посещали те же страхи: что увидят родители, если я умру ночью? Такой же черный, безликий пакет?..

Время застыло. Я смотрела на часы, висевшие на стене возле окна, и с маниакальной, пугающей точностью отсчитывала минуты: одна, две, три... десять, двадцать, тридцать... сорок, пятьдесят, шестьдесят. Сквозь узкие прорезы жалюзи наблюдала, как огненные краски заката медленно уступали место глубокой синеве ночного неба, усеянного мириадами мерцающих звезд.

Несмотря на заверения, что я буду находиться под постоянным наблюдением медперсонала, после пункции все разом испарилось. Когда, наконец, пришел результат анализа спинномозговой жидкости, ко мне подошла врач и сообщила, что жидкость чистая, белок в норме. Тогда я цеплялась за эту новость, как за спасательный круг: это не Синдром Гийена–Барре! Ведь при этом чудовищном заболевании, как сказал пожилой врач, главным признаком явля-

ется повышенный уровень белка. Гораздо позже, продолжая исступленно штудировать информацию в сети, я узнала, что уровень белка может оставаться в пределах нормы первые две недели после появления симптомов.

Пока я лежала в реанимации, родители ждали на улице, с замиранием сердца хватаясь за каждую крупницу надежды. Медперсонал сказал им позвонить через три часа и ехать домой, отдохнуть. Но они не послушались и продолжали дежурить под окнами, вглядываясь в темные проемы, пытаясь угадать, в какой из палат находилась их дочь. Они простояли там до самой темноты, пока ночное небо не укрыло больницу своим покрывалом. В десять вечера, дождавшись звонка, они узнали, что у меня, скорее всего, не Синдром Гийена–Барре. Только тогда, обессиленные, поехали домой, но ни есть, ни спать не могли. Как и я, они ждали рассвета, чтобы вернуться в больницу и увидеть меня, убедиться, что я жива. Папа, не сомкнувший глаз, уже в пять утра был на ногах и сказал маме собираться, чтобы не пропустить мой перевод в неврологическое отделение.

Тем временем медсестры, заметив, что я бодрствую, участливо спросили, что мешает. Я пожаловалась на низкий, агрессивный гул, доносившийся из коридора. Он вибрировал в воздухе, проникал под кожу, пульсировал в висках, не давая расслабиться. Девушки лишь пожали плечами, ответив, что ничего не могут с этим сделать и посоветовали не обращать внимания. Мужчины на соседних койках давно спали, издавая тяжелые, прерывистые вздохи и стоны, изредка вскрикивая. Эти звуки, смешиваясь с назойливым гулом аппаратуры, создавали жуткую, гнетущую какофонию.

Мне ставили капельницы для восстановления водного баланса после пункции — семь штук. К счастью, у меня был венозный катетер, иначе иголки давно бы выскользнули из моих дрожащих, непослушных рук. Я лежала с открытыми глазами, считая мгновенья до рассвета, до встречи с родителями, до конца этого кошмара. Чтобы отвлечься я разглядывала стены палаты, выкрашенные в мой любимый светло-голубой цвет — он действовал умиротворяюще. Я представляла свою комнату, оформленную в таких же тонах. Всплывали знакомые детали: книги на полках, мягкий плед на кровати, фотографии и грамоты на стенах... Возникла надежда, что скоро я смогу вернуться домой, в свой уютный, безопасный мир. Эта мысль помогала не унывать и продолжать бороться.

Памперс, призванный обеспечить гигиену, превратился в орудие пытки. Он давил и натирал нежную кожу, вызывая нестерпимый зуд и жжение. Каждый шов, каждая складка казались грубыми, шершавыми. Я старалась не шевелиться, но эта вынужденная неподвижность обернулась для меня ошибкой. Утром обнаружился жуткий пролежень, глубокий, практически до кости — еще одна капля боли в океане моих страданий. Я цеплялась за остатки самообладания, понимая, что, если поддамся панике — все может закончиться плохо. Поэтому собирала волю в кулак, шепча, как мантру: «Все будет хорошо, я сильная, я справлюсь».

Около трех часов ночи тишину разорвал крик. Один из мужчин раненым зверем метался по койке, срывая с себя катетер и датчики. Из вен хлестала кровь, окрашивая простыни в багровый цвет. Вспыхнул свет, и я увидела темные сгустки на белой ткани. Кровь — мой триггер с детства, вызывающий неодолимый, ледяной ужас. Меня охватила тошнота, но я не могла отвести взгляд. В этом хаосе я молилась лишь об одном: чтобы эта беспросветная ночь скорее закончилась. Сон, такой желанный и недостижимый, словно издеваясь, обходил меня стороной. Медсестры приходили еще пару раз, уговаривали поспать, но мои веки, словно налитые свинцом, отказывались смыкаться. С первыми робкими лучами рассвета, ближе к четырем, я начала отсчитывать часы, с томительным нетерпением ожидая, когда за мной придут. Я мечтала избавиться от ненавистного памперса и жгучего катетера, уехать из этой палаты, подальше от стонущих мужчин, чье присутствие вызывало во мне смущение и стыд. В девять утра медсестра обронила фразу, подобно ледяному душу окатила меня с головы до ног: «Возможно,

вы останетесь здесь, в реанимации». Паника, подобно дикому зверю, вырвалась из клетки, захлестнула меня с головой. Я начала кричать, умоляя перевести меня хоть куда-нибудь.

Лишь к обеду, когда надежда почти угасла, в палату въехала каталка. Меня, завернутую в простыню, словно безжизненное тело, переложили туда. Мочевой катетер, пульсирующей болью отдававшийся во всем теле, все еще оставался во мне. В слезах я снова просила снять его, но медперсонал был непреклонен, равнодушно ссылаясь на то, что это не их обязанность. Когда не в силах больше терпеть, я начала метаться в истерике, медсестра с раздражением выдернула его – резко, грубо, без капли сочувствия. Мгновенная острая боль пронзила меня насквозь, будто раскаленный прут, мне даже показалось, что внутри что-то надорвалось, сломалось, разлетелось на тысячи осколков.

Одежду мне не дали, оставив на теле лишь кусочек белой тонкой ткани, и в таком виде повезли по коридорам больницы. Сквозь затуманенное болью сознание доносился гул голосов, скрип каталок, стук дверей. Путь казался бесконечным, и мне было дико стыдно лежать вот так, полуголой, на всеобщем обозрении. Каждый взгляд и слово, брошенные в мою сторону, казались презрительными плевками. Хотелось раствориться, исчезнуть, провалиться сквозь землю.

Меня вывезли из реанимации на улицу, глоток свежего воздуха наполнил легкие, но это не принесло облегчения. Когда каталку загружали в скорую, я увидела родителей – они стояли рядом, бледные и испуганные, махали мне, их лица выражали глубокую тревогу и беспокойство. Они сели в свою машину и поехали следом, но больше нам увидеться не позволили. Возле второго здания больничного комплекса меня выгрузили и довели до третьего этажа неврологического отделения первой городской больницы, в палату интенсивной терапии. Простыня, в которую была я кое-как закутана, сползла, безжалостно обнажая мое тело. Я не могла пошевелиться и поправить ее, чтобы прикрыться. Поэтому просто закрыла глаза.

Несмотря на то, что организация была бюджетной, родителям выдали огромный список необходимых вещей, которые требовалось купить: капельницы, лекарства, жидкое мыло, влажные салфетки, памперсы, пеленки, тетради, ручки, резиновые перчатки и маски для врачей, и многое другое. Бесплатно предоставлялись только шприцы и обед – вот уж поистине царская щедрость! Ситуация казалась абсурдной.

В интенсивной терапии, как и в реанимации, мужчины и женщины лежали вместе, часто раздетые. Мне несказанно повезло – я оказалась в пустой палате, на остальных пяти койках не было никого, иначе сгорела бы от стыда. Просто таких тяжелых больных больше не было. В помещении стояла невыносимая духота. Окна открывать запрещали из-за моей повышенной температуры, а пульт от кондиционера бесследно исчез. От жары пот градом катился по лбу, тело ныло, простыня прилипала к коже, воздух казался тяжелым и горячим, как в парной. Из-за проведенной пункции спинномозговой жидкости мне предписали строгий постельный режим на трое суток. Каждая, даже малейшая попытка пошевелиться отзывалась ноющей болью в пояснице, поэтому я послушно лежала, смирившись со своей участью.

После обеда, на удивление состоявшего из ароматного, наваристого борща – я с жадностью набросилась на еду, ведь не ела ничего со вчерашнего дня, – наконец появился врач. Он сообщил, что белок в спинномозговой жидкости не повышен, а значит, подозрение на Синдром Гийена–Барре отпадает: «Скорее всего, у тебя обычная нейропатия. Несколько капельниц и уколов – и станет лучше, возможно, даже сегодня или завтра».

Его слова вселили в меня робкую надежду, хотя сам врач не внушал доверия. Большие очки с толстыми стеклами скрывали лицо, делая его непроницаемым, похожим на маску, и я не могла понять, что у него на уме. Однако причин сомневаться в вынесенном вердикте у меня не было. Я из последних сил цеплялась за возможность выйти из больницы своими ногами, без посторонней помощи.

Несмотря на неоднократные просьбы, никто так и не ответил, какие именно лекарства мне будут колоть. Страх анафилактического шока, холодными щупальцами сжимающий горло, не отступал. Я боялась аллергической реакции на первую же капельницу, представляла, как содрогаюсь в судорогах, язык западает, и я теряю сознание. Но выбора не было. Я пообещала себе вытерпеть все, что угодно, лишь бы поскорее вернуться домой и начать ходить.

Я боялась не самих уколов и капельниц, а реакции моего измученного организма. Когда медсестра, с дежурной улыбкой, объявила об уколе в живот, меня охватил новый приступ тревоги. Толстая игла десятимиллиграммового шприца вонзилась в кожу, будто раскаленный гвоздь, вызвав резкую боль и заставив меня сжаться в комок.

По телефону, сдерживая рыдания, я рассказала маме, как мне плохо, тяжело и жутко. Потом, конечно, грызла себя за эту слабость, ведь не хотела добавлять ей переживаний. Но мне так отчаянно нужно было выговориться, поделиться своими страданиями, а больше было не с кем, вокруг – только чужие люди, стены и равнодушные лица.

Родители с утра до вечера дежурили у стен больницы, как призраки, надеясь, что их пустят ко мне, дадут возможность увидеть меня, убедиться своими глазами, что я цела и невредима. Но из-за жестких коронавирусных ограничений в неврологическом отделении свидания были запрещены. Больных ненадолго выпускали на улицу подышать свежим воздухом, но я, к сожалению, не могла себе этого позволить.

К каждой палате в отделении интенсивной терапии была прикреплена персональная медсестра. Сначала назначенная девушка показалась мне довольно милой, но почти сразу я почувствовала фальшь в ее натянутой улыбке, словно это была маска, скрывающая безразличие к чужой боли. Она даже оставила мне номер телефона, чтобы я могла написать ей после пяти вечера, когда закончится ее смена.

Вечером, собравшись с духом, я написала ей о своих проблемах. Но в ответ услышала ледяное: «Ты уже взрослая и самостоятельная, думать о родителях не надо. Ты должны со всем справиться.». Это прозвучало как издевательство, как хлесткая пощечина. Я не могла даже самостоятельно сходить в туалет или умыться, лежала, прикованная к постели, не говоря уже о моральной поддержке, в которой так нуждалась. Она с презрением отказалась подставить судно, заявив, что это работа санитарок, также как помочь переодеться и расчесать спутанные волосы.

Кровать была функциональной, высокой, а тумбочка, наоборот, низкой и приземистой, поэтому дотянуться до своих вещей я не могла – они будто дразнили меня, находясь близко и далеко одновременно. Меня бросало то в жар, то в холод, я сильно потела, но сменить одежду не было никакой возможности. Приходилось лежать в мокрой, липкой борцовке, которая со временем становилась ледяной. Потом она высыхала, ведь на улице стояла убийственная жара – плюс сорок в тени и все пятьдесят на солнце. Иногда я просила открыть дверь для проветривания, но шум из коридора и других палат – стоны, крики, разговоры, смех и даже мат – сводил меня с ума.

Я старалась звонить маме каждые два часа, чтобы хоть немного унять ее тревогу и свою собственную, услышать родной голос, почувствовать, что я не одна в этом аду. Временами я проваливалась в неглубокий, тревожный сон с бесконечными кошмарами, от которых вздрагивала и просыпалась в холодном поту.

В шесть вечера принесли ужин – безликую больничную еду, от вида которой меня затошнило. Уходя, медсестра бросила дежурное: «Кричите, если что-то понадобится». Словно я могла кричать... Санитарки, заглянув в палату, сообщили, что будут в конце коридора. Они предложили надеть памперс, но я отказалась, морщась от боли в ноющем крестце. Однако мои возражения проигнорировали и все же надели ненавистный памперс, окончательно лишив меня остатков достоинства.

Я отправила родителям фотографию, чтобы подбодрить их и убедить в отсутствии аллергических реакций. Пришлось изрядно потрудиться, дабы изобразить на лице подобие улыбки, но это того стоило. Держать телефон было тяжело, и я поставила его на живот. Папа ответил, что они ужинают и очень ждут меня. Представив эту картину, я почувствовала, как защемило сердце от тоски и любви. Эта незримая связь с родными давала мне силы держаться, бороться и верить, что скоро я вернусь домой. Медсестра позже, между делом, рассказала, что они до позднего вечера ходили под окнами больницы, как тени, тщетно пытаясь попасть внутрь, взглянуть на меня хоть одним глазком. Но их так и не пустили – железные двери больницы остались запертыми.

Тоска по дому, по обычной жизни, по возможности просто встать и пройти, съедали изнутри. В голове снова роились тревожные вопросы, на которые не было ответов. Что со мной, если не Синдром Гийена–Барре? Действительно ли помогут лекарства, ведь после капельниц мне пока не стало легче? Смогу ли я снова ходить, как раньше? Даже до туалета и раковины я боялась идти без посторонней помощи, не говоря уже о том, чтобы проверить, выдержат ли ватные ноги мой вес.

Ночью я ворочалась с боку на бок, тщетно пытаясь найти удобное положение. Мысли о доме, о мягкой, уютной постели, о теплой шерстке моей собаки не давали покоя. Я смотрела на деревья за окном, наблюдая, как сгущались сумерки, как медленно, крадучись, наступала ночь, а потом, так же неспешно, рождался рассвет, окрашивая небо в пастельные тона. Спасительный сон сморил только ближе к пяти утра. А уже в шесть меня безжалостно разбудили, чтобы взять кровь на анализ. До завтрака оставалось еще два часа. В тумбочке лежали печенья, которые передала мама, но дотянуться до них я не могла – руки не слушались. Эта мелочь вызвала во мне новую волну раздражения.

Не теряя ни минуты, я набрала родителей по видеосвязи. Сердце бешено колотилось в груди. Они, конечно, не спали в ожидании моего звонка, с тревогой глядя в темный экран телефона. Я выдавила из себя что-то вроде «все нормально», стараясь, чтобы голос звучал оптимистично, но предательский комок в горле мешал говорить, а внутри все сжималось. «Я очень хочу вас видеть», – прошептала я и попросила их приехать, хотя понимала, какой это подвиг – проникнуть в крепость этой ненавистной больницы.

Однако случилось чудо – в тот субботний день маме удалось совершить невозможное – пробраться ко мне! Как она это сделала, я не знаю до сих пор – продала душу дьяволу или подкупила всех охранников. Договорившись с медсестрой, она получила драгоценный час свидания. Слезы облегчения брызнули из моих глаз, застилая все вокруг радужной пеленой, когда я увидела ее родное лицо. Мама, подобно доброй фее из детской сказки, повесила на кровать несколько маек, чтобы я могла дотянуться и сменить их, когда вспотею. Она без всяких просьб, с заботой и любовью, подставила мне судно, ведь медсестры с угрожающим видом грозили клизмой, которую я панически боялась. Этот час, проведенный с близким человеком, был как глоток воздуха в пропитанной запахом лекарств больничной палате.

Мама заметила, как сильно я похудела. Ребра и суставы выпирали, будто я долгое время голодала. Я и сама не понимала, как могла так резко высохнуть за два дня. Она покормила меня домашним обедом и открыла окно, чтобы прогнать изнуряющую духоту. И тут, словно по волшебству, с улицы донеслись знакомые, такие приятные слуху аккорды – играла моя любимая песня группы «Кино». Поймав мой взгляд, мама с теплой улыбкой подтвердила мою догадку: «Это папа ходит под окнами, не зная, какое из них твое». Мне безумно захотелось подняться, подойти к окну и помахать ему, почувствовать его отеческую поддержку. Прошло больше суток после пункции, и я решила рискнуть.

Когда ноги коснулись ледяного пола, я почувствовала, что ступни стояли как-то неровно, неестественно, будто деревянные протезы. «Наверное, это потому, что я несколько дней не касалась твердой поверхности», – я пыталась успокоить себя, отгоняя пугающую мысль о том,

что это могло говорить об отказе нервных окончаний. Вцепившись в мамину руку, я все же попыталась встать, но даже не смогла обойти кровать, не то, что доковылять до окна. Меня захлестнула черная волна отчаяния – я поняла, что не хожу. Совсем. Ничего не изменилось, капельницы не помогли, мое состояние не улучшилось. Наоборот, симптомы прогрессировали, и это было страшнее всего. Дышать стало трудно, словно кто-то сжимал грудную клетку железными тисками. Неужели это навсегда?

Время свидания неумолимо истекало. Когда мама собралась уходить, я истерично рыдалась, как в детстве. Комната, еще недавно наполненная теплом ее присутствия, теперь казалась пустой и враждебной. Перспектива остаться одной в этой проклятой палате, страх перед неизвестностью, перед тем, что следующая встреча может уже не состояться – все это накрыло меня с новой силой.

На ночь мне снова надели памперс. Я пыталась терпеть, но не выдержала до утра, тут же сняла его непослушными пальцами и выбросила, не представляя, как можно лежать в нем дольше. Не в силах больше сдерживаться, я позвонила маме. Она посоветовала самой брать судно и ставить его на стоящий рядом стул. Главное было дожидаться утра, чтобы медсестра вылила содержимое и принесла чистое судно, иначе справлять нужду было бы просто некуда. Так я и справлялась несколько ночей подряд, ощущая себя униженной и беспомощной.

Хотя мама с первого дня моего пребывания в больнице платила санитаркам и медсестрам, чтобы они ухаживали за мной, приносили воду, кормили, подставляли судно, обтирали меня, умывали и меняли мокрые полотенца, которыми я вытирала липкое от пота тело, никто из персонала не выполнял своих обязанностей. Ночи проходили в одиночестве и борьбе с собственным бессилием.

Уже дома я узнала, что родители каждое утро приносили мне еду. В больнице кормили только утром, в обед и вечером, а я постоянно хотела есть, мучилась от голода. Мама и бабушка по очереди готовили мои любимые блюда: нежная пюрешка, вкуснейшие сырники, ароматные пряники, все то, что могло порадовать меня в этой мрачной обстановке. Я была не в курсе, и мне ни разу не передали домашние гостинцы. Не знаю, почему мама не говорила мне об этом по телефону или во время коротких свиданий. Возможно, не хотела лишний раз расстраивать.

В воскресенье маме снова удалось навестить меня. Медсестра, видя молодую девушку, которая уже несколько дней не мылась, разрешила маме взять больничное инвалидное кресло и отвезти меня в душ. Шампуня у нас не было, чтобы наконец помыть голову, да и встать я не могла, поэтому меня просто поливали из душа, пока я сидела в инвалидном кресле. Несмотря на всю неловкость ситуации, это были одни из самых счастливых минут, проведенных в больнице. Чистая вода смывала не только физическую грязь, но и часть накопившейся усталости. Туда и обратно я ехала практически голышом, завернутая в простыню, потому что полотенца не оказалось. Но в тот день больных отпустили домой на выходные, и стесняться было некого. Доброта отзывчивой медсестры, разрешившей маме не только прийти, но и помыть меня, была бесценна.

Мама принесла несколько книг, надеясь, что чтение поможет скоротать время и отвлечься от грустных мыслей. Но я не смогла даже раскрыть их несмотря на то, что они были в мягкой обложке. Руки слабели с пугающей скоростью, словно кто-то невидимый вытягивал из них жизненную энергию. Каждая попытка взять книгу и тем более перелистнуть страницу заканчивалась неудачей – пальцы совсем не слушались. Стало еще страшнее.

Чтобы как-то противостоять надвигающейся слабости, я постоянно делала зарядку для мимических мышц, пальцев рук и ног. С пальцами дела обстояли плохо – движения были вялыми, неловкими, но, к счастью, мимика оставалась в порядке. Я могла морщить лоб, улыбаться, хмуриться – мышцы на лице работали исправно. А поскольку одним из симптомов Синдрома Гийена–Барре является поражение мимической мускулатуры, я снова поверила, что меня миновала эта чудовищная болезнь.

В понедельник на обходе лечащий врач бегло осмотрел меня, проверил рефлексы, оценил силу в мышцах. «Как вы ходите в туалет? Сами доходите до унитаза?» – спросил он, даже не поднимая глаз. Я ответила, что мне запретили вставать в течение трех суток, и сейчас не могла даже подняться с кровати. К моему ужасу, он лишь отмахнулся. «Конечно, вы столько пролежали без движения, мышцы ослабли. После капельниц вам должно стать лучше, иначе быть не может», – бросил он равнодушно и поспешил к следующему пациенту.

Узнав о реакции врача, родители, несмотря на запреты, настояли на разговоре с ним. Они подробно объяснили, что мне становится хуже, и симптомы нарастают с каждым часом. Только тогда доктор, наконец, согласился, что это может быть Гийена–Барре. Он рассказал о двух вариантах лечения: плазмаферез или иммуноглобулин. Второй вариант был очень дорогим – около полутора миллионов рублей. Мама и папа, не колеблясь, решили сначала попробовать плазмаферез, а если он не поможет, то найдут деньги на иммуноглобулин, чего бы им это ни стоило. В тот момент ими двигала только одна мысль – поставить меня на ноги. Они были готовы на все, даже продать квартиру, лишь бы я снова могла ходить. Эта решимость и безграничная родительская любовь помогали не падать духом.

Процедуру обязался провести врач из реанимации третьей городской больницы – нелегально, используя личный аппарат. Мне строго-настрого запретили кому-либо рассказывать о нашем договоре. Эта ситуация показалась странной и подозрительной, я чувствовала подвох, но в моем положении оставалось только полагаться на решения родителей и докторов.

В тот же день соседи из палаты напротив, несмотря на строгие ковидные ограничения, угостили меня порцией сочного арбуза. Этот жест внимания, простая человеческая забота, тронули меня до глубины души. Но, увы, я не смогла даже поднять тарелку – руки были слишком слабыми, неподъемными. Мне пришлось, сгорая от стыда, облизывать арбуз прямо с тумбочки, как дикий зверек. Один раз, с неимоверным усилием, мне удалось откусить небольшой кусочек, и эта маленькая победа наполнила меня детской радостью. Когда улыбчивый мужчина вернулся за тарелкой, то с недоумением увидел, что арбуз почти не тронут. Я объяснила, запинаясь и краснея, что физически не могу до него дотянуться. Сначала он нервно рассмеялся, а потом, видимо, обиделся, решив, что я привередничаю, и он зря потратил на меня пару скибок своего угощения. Позже выяснилось, что все, кто ел этот арбуз, отравились. А я, в свою очередь, испытала странное чувство облегчения – моя физическая слабость, возможно, спасла меня от пищевого отравления. Ирония судьбы.

Вскоре мои соседи подхватили коронавирус. Я не знала, перевели ли их в ковидный госпиталь или отправили лечиться домой. В отделении остались только я и еще один лежащий больной. Каждое утро нам делали ПЦР-тесты. Вспоминая историю с арбузом, я сжималась от страха, что тоже могла заразиться. В моем состоянии это было равносильно смертному приговору.

После принятия решения на счет плазмафереза ко мне пришел мой лечащий врач. Он подробно рассказал о предстоящей манипуляции, предупредив, что она будет сложной, страшной и очень болезненной. Но при этом с непоколебимой уверенностью, подчеркнул, что плазмаферез – мой единственный шанс. «Ты должна вытерпеть», – заключил он, глядя мне в глаза, и в его взгляде я прочла искреннее желание помочь.

Доктор попытался вселить надежду, расписывая, как после трех процедур плазмафереза большинство пациентов встают на ноги, некоторым требуется пять или семь, в зависимости от веса и степени поражения нервной системы. Я тут же ухватилась за обещанную перспективу. В голове уже рисовались картины: вот я делаю первые шаги, неуверенные, но самостоятельные, я иду по коридору, опираясь на мамину руку... а вот бегу по улице, навстречу солнцу и ветру. Все мы ошибались – и врач, с его профессиональным оптимизмом, и родители, с их отчаянной верой в лучшее, и я сама, с наивной мечтой о скором выздоровлении. Нас ждало горькое разочарование.

Поднять судно я уже не могла, поэтому приходилось пользоваться пеленкой или памперсом, а потом, задыхаясь от позора, сбрасывать их на пол. Эта зависимость от других была невыносима и с каждым днем убивала мою самооценку. Наступило девятое августа – день, которого я ждала со смесью леденящего страха и робкой надежды, день плазмафереза. Родители всю ночь не сомкнули глаз, судорожно изучая информацию об этой процедуре, цепляясь за каждую крупницу информации. Чем больше они читали, тем сильнее становилась их тревога и гущался мрак неизвестности. Выяснилось, что плазмаферез – процедура далеко не безобидная, сопряженная с множеством рисков, а в некоторых случаях даже смертельно опасная. Отзывы были противоречивыми: кому-то она помогала, но были и те, кому становилось хуже. Интернет пестрел скептическими мнениями и пугающими историями. Утром мама позвонила мне, ее голос дрожал от волнения: «Ты готова?» – спросила она, и в этом вопросе слышалась вся глубина ее страха.

Помня о своем обещании бороться, я твердо ответила: «Мама, я готова. Лишь бы помогло. Я выдержу все». Я пыталась передать ей свой боевой настрой, хотя внутри все сжималось от беспокойства. Я понимала переживания родителей, особенно после того, как они узнали о возможных фатальных исходах. Но отступить было нельзя.

Утром, перед процедурой, меня повезли на электронейромиографию. Токи пронзали ослабевшие мышцы, вызывая судороги и боль, от которой темнело в глазах. Доктор мрачно отметила: «Вы выглядите хуже, чем в прошлый раз». Я горько напомнила ей, что в прошлый раз я пришла на своих ногах, а теперь меня привезли на каталке, я не могла даже сидеть. Результаты исследования – тяжелое аксональное поражение нервов рук и ног. Осознание того, насколько ухудшилось мое состояние за несколько дней, ударило по остаткам самообладания, но я стиснула зубы перед следующим испытанием – плазмаферезом.

Меня перевезли на скорой в реанимацию и положили в ту же палату, где я была несколько дней назад. Меня пугало отсутствие там мужчин, теплилась надежда, что они выздоровели, а не умерли... Я сходила с ума от беспокойства, а врача, который должен был провести процедуру, все не было. Медсестры готовили меня, устанавливая венозные катетеры. Один, второй, третий... Холодные иглы впивались в кожу, вены на исхудавших руках превращались в синеющие дорожки. Они деловито объясняли, что может потребоваться несколько точек доступа, да и нужно заранее прокапать физраствор. Я дала себе слово вытерпеть. Вернуться домой. Сделать так, чтобы родители могли мной гордиться. Чтобы я сама могла себя уважать.

Два часа томительного ожидания растянулись в липкую, удушающую вечность. Каждая секунда тикала, как падающая капля в темную, бездонную пропасть. Наконец, дверь палаты распахнулась, и появился врач, держа в руках аппарат для плазмафереза. Он бросил на меня короткий, оценивающий взгляд. Деловым, бесстрастным тоном спросил об аллергических реакциях. Услышав про непереносимость лидокаина, специалист нахмурился, тонкие губы сжались в жесткую линию. «Значит, подключичный катетер придется ставить наживую. Без анестезии», – констатировал он. А потом добавил, вынося приговор: «Готовься. Сейчас будет самая сильная боль в твоей жизни». Сказав это, он развернулся и вышел, оставив меня наедине с этим леденящим душу предсказанием.

Я лежала, скованная нарастающими опасениями, пытаясь представить ту самую, обещанную «самую сильную боль». Воображение рисовало жуткие картины, от которых кровь стыла в жилах. Каждый миг ожидания неминуемого отдавался ударом молота по моей и без того хрупкой решимости. Весь боевой дух, который я с таким трудом собирала в кулак последние сутки, таял, крошился, разлетался на крупинки под гнетом беспощадного, всепоглощающего ожидания.

Пока я лежала в палате, погруженная в лихорадочные мысли, врач на улице разговаривал с моими родителями. Я представляла, как они стояли там, под палящим солнцем, с трепетом вслушиваясь в каждое слово, ищущие в его глазах хоть проблеск уверенности. Позже я узнала,

что он старался их успокоить, говорил о своем многолетнем опыте реаниматолога, заверяя, что даже если возникнут осложнения, сможет меня «откачать», вернуть к жизни.

Тем временем у меня снова взяли кровь – привычный укол, прохладная игла, темная струйка, исчезающая в стеклянной пробирке. Когда врач взглянул на результаты анализа, его лицо стало еще более серьезным, резкие морщины пролегли глубокими бороздами на лбу. Он обронил фразу, от которой у меня все похолодело внутри: кровь была «плохая», показатели указывали на то, что проводить процедуру крайне нежелательно.

Что же заставило его все-таки пойти на риск? Была ли это уплаченная родителями сумма, висевшая невидимым грузом ответственности? Или профессиональное честолюбие, нежелание признавать поражение? А, возможно, осознание того, что это действительно мой последний шанс, и отступить некуда? Не знаю. Но я услышала его слова, произнесенные тихим, напряженным голосом за дверью палаты: «Анализ плохой, но мы рискуем». Кто эти «мы»? Входил ли в «мы» мой собственный, дрожащий голос, мое согласие или несогласие? Увы, моего мнения никто не спрашивал. Я была лишь объектом медицинских манипуляций, пассивным участником двусмысленной игры, ставки в которой были слишком высоки – моя жизнь.

Доктор вернулся со своей медсестрой, приехавшей с ним из другой больницы. Они начали готовить меня к установке подключичного катетера – толстой иглы, которую вводят в крупную вену под ключицей для обеспечения надежного венозного доступа во время плазмафереза. Леденящий холод спирта коснулся шеи. Затем прозвучал его строгий голос, не допускающий возражений: «Самое главное – не шевелись. Ни на миллиметр. Сожми все, что можешь – зубы, челюсть, кулаки, но замри. Не вздумай дернуться».

Я зажмурилась, готовясь к той самой, обещанной «самой сильной боли в жизни». Но когда игла пронзила кожу и мышцы, боль, хоть и резкая, оказалась не той агонией, которую я представляла. Откровенно говоря, установка мочевого катетера показалась мне куда мучительнее. Врач не знал, что мне доводилось терпеть удаление нервов из нескольких зубов без анестезии – вот там была настоящая пытка, по сравнению с которой эти несколько напряженных секунд были терпимы. Когда катетер зафиксировали, появилось новое, крайне неприятное ощущение. Чужеродное тело под ключицей сковывало движения, мешало дышать, вызывало постоянный дискомфорт. Меня преследовала тревога: а что, если он выскочит и повредит одну из самых крупных вен в теле?

И вот, момент настал. К катетерам, пронзающим мои вены, подключили тонкие, прозрачные трубки аппарата. С тихим гулом машина ожила, и я почувствовала, как кровь начала покидать тело, устремляясь по этим магистралям к своей неведомой очистке. Еще до того, как первая капля крови покинула организм, меня обвинили проводами, подключив к мониторам жизненных показателей. На палец нацепили прищепку датчика пульсоксиметра. Назойливое, монотонное пиканье немедленно ворвалось в сознание, мешая сосредоточиться. Экран над головой замерцал цифрами и кривыми линиями, отображая давление, частоту дыхания, сердечный ритм, который я не видела, но представляла в красках в своем испуганном воображении.

Не прошло и десяти минут, как меня накрыла волна дурноты – внезапная, острая, леденящая, словно кто-то выдернул землю из-под ног. Меня, конечно, предупреждали о возможном дискомфорте, но я не была готова к такому резкому и сильному ухудшению самочувствия. Голова закружилась, мир вокруг расплылся, превратившись в калейдоскоп бессмысленных пятен. Стены палаты, лица медперсонала, приборы – все поплыло, потеряло четкие очертания. Это была реакция на быструю потерю крови – ведь, как я поняла, в моем случае аппарат работал так, что кровь сначала забиралась, и лишь потом, пройдя очистку, должна была вернуться. Она не циркулировала непрерывно, очищаясь и сразу вливаясь обратно, как бывает при других методах. Она просто утекала, отнимая не только физические силы, но и, казалось, частичку самой жизни, оставляя пустоту и слабость.

Тошнота подступала все ближе, сдавливая горло. Казалось, комната вращается вокруг меня, хотя я лежала абсолютно неподвижно, парализованная страхом – любое неловкое движение могло привести к смещению катетеров, к непоправимой катастрофе. В какой-то момент приступ дурноты стал настолько сильным, что я испугалась не сдержать рвоту. Я терпела, стиснув зубы, мысленно вцепившись в спасительные образы. Я думала о родителях, ждущих там, за стенами реанимации, с их безусловной любовью и надеждой.

Представляла их счастливые, облегченные лица, когда процедура благополучно завершится. Рисовала в воображении картину, как уже вечером мне станет легче, отступит удушающая слабость, и мы вместе будем радоваться этому первому, такому важному шагу к выздоровлению. А ночью... ночью, может быть, я даже смогу сама, на своих ногах, дойти до туалета! До настоящего, нормального унитаза, а не использовать эти унижительные неудобные памперсы, пластмассовые судна или шелестящие бумажные пеленки. Эта мечта о простой, обыденной человеческой нужде, о возвращении контроля над собственным телом придавала мне сил превозмогать эту изматывающую муку.

Неподалеку от корпуса реанимации, буквально в нескольких шагах от места, где моя жизнь висела на волоске, стояла небольшая больничная церковь во имя святой Елисаветы. Там, в тишине, наполненной благоговением, среди мерцающих лампад, стояла моя мама. Об этом я, конечно, не знала в тот момент, полностью погруженная в свой собственный туман. Мама, всегда сторонившаяся показной религиозности, далекая от церковных ритуалов, в минуту безысходности нашла для себя единственно возможное утешение. Она крепко сжимала в руке восковую свечу, и ее дрожащее, трепетное пламя отражалось в глазах, полных слез и безмолвной, горячей мольбы. Она стояла и молилась – не заученными, пустыми фразами, а всем сердцем, своей материнской сущностью, обращаясь к неведомой ей силе с единственной, самой важной просьбой: чтобы процедура прошла успешно, и ее ребенок выжил.

Признаюсь, я далека от глубокой веры – мой разум всегда цеплялся за рациональные объяснения. Но кто знает, слышал ли кто-то ее тихий, отчаянный шепот в той маленькой церкви, затерянной среди больничных корпусов? Возможно, есть моменты, когда логика отступает, бессильно опуская руки, и остается лишь слепая надежда на чудо, на вмешательство неведомой силы.

Возможно, именно эта бесхитростная, идущая из глубины израненной материнской души молитва действительно обладала каким-то волшебством. Глядя назад, сквозь призму пережитого, я думаю, что в тот переломный час некая высшая сила – назовите ее Богом, судьбой или просто счастливым случаем – все-таки вмешалась в ход событий, изменила предначертанное. Потому что в какой-то момент реальность вокруг меня начала таять, растворяться, как дым. Сознание не провалилось во тьму, как при обмороке, а будто отделилось от тела, перешло в иное, незнакомое состояние. Меня охватила невероятная, почти эйфорическая легкость, словно я сбросила тяжелые оковы земного притяжения, и всепоглощающее ощущение умиротворения, которого я не испытывала никогда прежде.

Я вдруг увидела себя со стороны – лежащую на жесткой реанимационной койке, опутанную тонкими проводами, бледную, неподвижную, такую маленькую и беззащитную в этом стерильном пространстве. А я сама... я парила под самым потолком, невесомая, бесплотная, абсолютно свободная. Оковы боли, страха, физической немощи – все это осталось там, внизу, в этом отстраненном, словно чужом теле. Все вокруг окрасилось в глубокие, насыщенные тона – от нежной лазури до бархатистого индиго. Этот синий, небесный свет обволакивал меня, проникал в каждую клеточку моего бестелесного существа, создавая теплый, защищающий кокон безмятежности. В тот миг я испытала такое пронзительное, всеобъемлющее чувство счастья, какого не знала за двадцать три года. Словно все тревоги и сомнения, обиды и разочарования, несбывшиеся мечты и горькие потери – просто исчезли, растворились без следа в этом сияющем, бездонном пространстве. Это было чистая, незамутненная идиллия, освобождение от

всех земных тягот. Ни тени страха, ни единого вопроса, почему я летаю под потолком и вижу собственное тело со стороны – лишь гармоничное, безмятежное принятие этого странного, но бесконечно прекрасного состояния.

Синее блаженство оборвалось внезапно, грубо, словно кто-то дернул тонкую шелковую нить, связывающую меня с этим чудесным, безмятежным миром. Я ощутила резкие, ритмичные шлепки по щекам, услышала сквозь туман чьи-то встревоженные голоса. Удивительная легкость мгновенно ушла, и тяжесть собственного тела обрушилась на меня свинцовым грузом, пригвождая к койке. Синий свет, ласково окутывавший меня, рассеялся, уступая место тусклому больничному освещению. С трудом преодолевая сопротивление, я приоткрыла веки, казавшиеся неимоверно тяжелыми, и увидела перед собой расплывчатые фигуры в белых халатах – склонившиеся надо мной лица, в глазах которых читалась неподдельная тревога.

Я с неохотой вернулась в реальность – холодную, тревожную, наполненную чужим беспокойством. Голоса медсестер, до этого звучавшие где-то далеко, будто из другого мира, теперь врываются в сознание настойчивым, почти паническим рефреном: «Где врач? Скажи, где врач?!». Этот вопрос повторялся снова и снова, как заевшая пластинка, отражая их собственную растерянность.

Собрав остатки воли, которая казалась такой же истощенной, как и мое тело, я предприняла невероятное усилие – повернуть голову. Шейные позвонки скрипнули, мышцы запротестовали от боли, но я заставила себя посмотреть вправо, туда, где по последним смутным воспоминаниям стоял доктор перед тем, как меня поглотила синяя безмятежность. Пусто. Врача там не было.

С таким же трудом, будто ворочая каменную глыбу, я повернула голову влево. Мой затуманенный взгляд упал на аппарат для плазмафереза. Он стоял молчаливый, темный, безжизненный. Экран был погашен, никаких мигающих огоньков и признаков работы. Более того, он был чем-то прикрыт, словно его уже убрали или законсервировали, списали в утиль. Холодная волна изумления прокатилась по телу, смешиваясь с быстро тающими остатками пережитого неземного опыта. Что случилось? Медсестры, увидев, что я пришла в себя, точно сорвались с цепи. Вопросы сыпались градом, их голоса перекрывали друг друга в нервной, испуганной спешке: «Куда он ушел? Что сказал перед уходом? Зачем остановил процедуру?!»

Я могла лишь беспомощно моргать, глядя на них широко раскрытыми, полными ошеломления глазами. В голове царил густой, непроглядный туман, мысли путались подобно клубкам шерсти. Я не знала ответов. Почему доктор бросил меня одну? По какой причине остановил жизненно важный процесс, от которого зависела моя судьба? И главный вопрос – куда делась моя кровь? Прошло слишком мало времени. Эта процедура должна была длиться полтора-два часа, а не считанные минуты. Меня охватил панический ужас. Неужели что-то пошло не так? Удалось ли закончить процедуру?!

Мне торопливо подключили капельницу — физраствор медленно поступал в вену, чтобы восполнить потерянный объем. Медсестры не отходили от меня, каждые несколько минут склоняясь и повторяя: «Не спи. Держись. Сейчас придет мама. Не закрывай глаза, слышишь?». Упоминание мамы было призвано стать якорем, удерживающим меня на плаву в море хаоса. Внезапно все мучившие меня вопросы о сбежавшем враче, прерванной процедуре и причинах моего ужасного состояния стали второстепенными. Остался лишь один, пульсирующий в висках: кто и как впустит маму в реанимацию? Почему медсестры твердят это, нарушая все правила?

В памяти всплыл тот неземной полет под синим куполом потолка, ощущение совершенной свободы и невесомости. И от этого воспоминания нынешняя тяжесть казалась еще чудовищнее. Горечь от того, что волшебство так бесцеремонно закончилось, смешивалась с недоумением.

— Судно... — прошептала я, едва услышав собственный голос.

— Ты в памперсе, — бесстрастный ответ медсестры вернул меня к унижительной реальности. Пришлось терпеть, сжимаясь от стыда, но цепляясь за надежду увидеть маму. Которую, кстати говоря, я помнила смутно, какие-то силуэты и образы, но даже четкости лица не появлялось в памяти, хотя мы виделись несколько дней назад. Узнаю ли я ее сейчас?

Когда принесли воды — всего несколько глотков в легком бумажном стаканчике — я не смогла его удержать. Непослушные пальцы разжались, и драгоценная влага расплылась по казенной простынке. Я не чувствовала руки, не могла даже на миллиметр оторвать их от жесткой поверхности кровати. Веки стали свинцовыми, превратившись в неподъемные шторы, и требовалось немалые усилия, чтобы хотя бы щелочкой приоткрыть глаза. А уж поднять голову от подушки, чтобы сделать глоток — об этом не могло быть и речи. Но, заметив мое бессилие, другая медсестра принесла новый стаканчик и — маленькое чудо! — яркую, изогнутую соломинку. С ее помощью я, наконец, смогла попить.

Мне становилось хуже. Даже язык, казалось, одеревенел во рту, лишая меня возможности внятно спросить у суесящихся медсестер, почему они так уверены в приходе мамы. Но их заверения звучали так уверенно, что, вопреки логике и больничным правилам, я поверила. Взгляд был прикован к безликому циферблату на стене, отстукивающему мою слабость. Я неистово боролась со сном, с подступающей темнотой. Боязнь потерять сознание боролась во мне с предательским воспоминанием о недавней легкости, о манящем покое синего света. Часть меня панически боялась этого забвения, другая — жаждала вернуться в то состояние, где не было боли, страха и унижительной немоги.

— Просыпайся, мама пришла, — услышала я сквозь дрему. Кое-как открыв глаза, я действительно увидела маму. Она стояла у моей кровати в мешковатом больничном халате, на котором синими нитками неумело было вышито слово... «Сантехник». Этот абсурдный диссонанс — мама, реанимация, сантехник — вызвал у меня слабую тень улыбки. Собрав все силы, я прошептала, едва шевеля губами: «Ты... теперь сантехник...» Попытка тихонько засмеяться обернулась лишь жалким сипением, но в родных глазах мелькнуло понимание. Мама, не пытаясь смягчить удар и не утаивая правды, сразу сказала: «Процедура провалилась. Врач, не вдаваясь в подробности, вернул деньги и просто уехал. Его прощальным вердиктом было, что ты «слишком худая» для таких манипуляций, и он посоветовал... купить тебе мяса».

Эта нелепая рекомендация звучала дико в контексте происходящего. И да, маму действительно пустили в реанимацию — с одной единственной, совершенно сюрреалистичной целью: покормить меня. Вся ситуация казалась вывернутой наизнанку, бредовой и пугающей. Она достала контейнер с фаршированными перцами — моим некогда любимым блюдом. Но сейчас их вид вызывал отторжение. Аромат, который раньше сводил с ума, теперь казался навязчивым, а вкус — пресным. Челюсти двигались с трудом, словно пережевывали резину. Глотать было еще сложнее — каждый крошечный кусочек застревал в горле комом, вызывая приступы удушья, норовя попасть не туда. Мне приходилось постоянно запивать их водой, буквально проталкивая эту безвкусную массу в желудок.

Мама явно старалась растянуть процесс кормления, действуя с нарочитой медлительностью. Каждая ложка перца, поднесенная к моим губам, казалась не просто едой, а драгоценной секундой отсрочки. В ее глазах читалась тревога: она боялась, что ее выпроводят, как только миссия «покормить мясом» будет выполнена. Ее присутствие здесь было аномалией, возможной лишь благодаря звонку сбежавшего реаниматолога. Каким-то образом он убедил персонал пустить ее ко мне именно с этой абсурдной целью. В чем была истинная подоплека странного требования про «мясо», оставалось загадкой.

Между застревающими в горле кусочками перца мама тихо сообщила: «врач велел его больше не беспокоить. Он не будет повторять процедуру. Точка». К моему удивлению, я не почувствовала ни удара, ни разочарования — лишь тупое оцепенение. Да, я понимала, что это был последний шанс, но в пучине немоги и сюрреализма эта мысль не вызывала слез. Созна-

ние, еще не оправившееся от «синего полета», отказывалось принимать новую порцию отчаяния.

Затем мама с решимостью, свойственной ей в критические моменты, без лишних колебаний и вопросов, сняла с меня памперс и подсунула судно. Я снова почувствовала на себе чужие взгляды с соседних коек. Но моя спасительница встала щитом между мной и ними, загородив меня спиной в халате «сантехника» и создавая островок приватности. Волна теплой, почти детской благодарности захлестнула меня. Головой я понимала всю нелепость – думать о стыде, когда балансируешь на грани жизни и смерти, когда тело предает на каждом шагу. Но жгучее чувство все равно поднималось изнутри, обжигая щеки.

Вопреки мрачным предчувствиям, в реанимации меня все же не бросили. Маму, правда, вскоре выпроводили, но спустя какое-то время за мной прибыли сотрудники из неврологического отделения. Неожиданно было принято решение перевести меня обратно, в палату интенсивной терапии второго отделения неврологии. Но, прежде чем колеса каталки успели тронуться, из реанимации позвонили в неврологию и – о, чудо! – попросили забрать маму вместе со мной, разрешив сопровождать меня в машине скорой помощи.

И снова унижительная процедура перемещения безвольного тела. С помощью простыни меня опять переложили с койки на каталку. На прощание сунули в руку яркую соломинку – трогательный сувенир из мира боли и надежды. Я возвращаюсь обратно – в знакомые стены интенсивной терапии. Когда каталку вывезли на улицу, я увидела папу. Он ждал у входа, и его лицо было не просто встревоженным, а искаженным горем, которое он уже не пытался скрыть. Вид заплаканного отца ударил меня сильнее любого шлепка. Именно тогда накрыла горькая волна осознания: я только что могла умереть. И потеряла последний шанс, потому что проклятый плазмаферез провалился, а второй попытки не будет.

Собрав в кулак остатки воли, я предприняла титаническое усилие, чтобы помахать ему. Получилось лишь слабое, едва заметное движение пальцами. Но папа заметил —лицо на мгновение просветлело, он ободряюще взмахнул рукой в ответ и показал мне большой палец. «Держись, ты боец! Несмотря ни на что, я горжусь тобой» – прочитала я в этом простом жесте. По крайней мере, очень хотелось верить, что он думал именно так. Мама быстро забралась в «скорую» вслед за каталкой и села рядом, крепко держа мою безвольную руку в своей. Всю дорогу, на каждом повороте, мои ноги и свободная рука безжизненно соскальзывали с узкой каталки. Я не могла их контролировать, не чувствовала их тяжести – словно это были не мои конечности, а чужие, ненужные придатки. Мама бережно возвращала их на место, снова и снова поправляя простыню, прикрывавшую мою наготу. Ощущая полное онемение, я с пугающей ясностью поняла: стало только хуже.

Наконец, машина скорой помощи припарковалась у входа в неврологическое отделение. Мама неотступно следовала за нами, и случилось чудо – ей разрешили остаться на ночь. Соседняя койка, жесткая и неудобная, стала для нее временным пристанищем, дискомфорт которой она не замечала. Помню, как меня переложили на кровать, укрыли одеялом, и я чувствовала на себе ее пристальный, тревожный взгляд. Силы окончательно меня покинули — борьба с подступающей темнотой была проиграна, и я мгновенно провалилась в тяжелое, вязкое забытие, даже не успев толком ощутить утешение от близости родного человека.

Мама в ту ночь не сомкнула глаз, до утра просидев на краю койки и вслушиваясь в каждый мой вздох. Будучи медиком, она без слов понимала всю катастрофичность ситуации. Ей не нужны были путанные объяснения врачей или показания приборов — она читала между строк: то, что случилось со мной в реанимации, было клинической смертью. Позже, когда тусклый свет ночника едва разгонял мрак, заглянула дежурная медсестра. Увидев маму, она замерла на пороге. Ее взгляд переместился на меня, бледную и неподвижную. Тяжело вздохнув, она тихо проговорила: «Господи... Лишь бы все обошлось. Вы уж присмотрите за ней, пожалуйста»

ста. Я понимаю, это моя ответственность... но вы справитесь лучше, я уверена». Кивнув, она бесшумно скрылась за дверью.

Тишина в палате была обманчивой. Из коридора доносились приглушенные звуки – настойчиво звонил телефон на посту, слышались взволнованные разговоры. Почти не разбирая слов спросонья, я понимала, что обсуждали мой случай, провальную процедуру, исчезновение врача и критическое состояние, в котором я оказалась. Я напрягала слух до боли в ушах, пытаясь уловить хоть обрывок фразы, чтобы сложить пазл событий, но голоса тонули в гулкой пустоте, снова унося меня в спасительное небытие.

Утро прокралось в палату серым, неуверенным светом. Первое, что я увидела, открыв глаза – мамино лицо. Она все еще была здесь, на соседней койке, как верный, измученный страж. Ее присутствие было единственным якорем в мутном потоке сознания, не способным, однако, сдержать нахлынувшую волну воспоминаний. Реанимация, моя кровь в прозрачной трубке капельницы, синий свет, побег врача, фаршированный перец, слезы отца – все слилось в один вязкий, удушливый ком, сдавивший горло.

Вчера, в тумане шока, главной мыслью было облегчение: «Я жива». Но сегодня, с приходом нового дня, пришло сокрушительное понимание: мой последний шанс ускользнул. Процедура не просто не удалась – она была прервана на полпути. Врач, обещавший помочь, велел больше его не беспокоить. Это означало, что в нашем городе плазмаферез мне никто не делает. Тупик. Реаниматолог настоятельно советовал не предпринимать вторую попытку. Причина проста и ужасна: я была настолько истощена болезнью, что следующий подобный стресс мог стать фатальным.

Холодная обида смешивалась с недоумением и страхом. Как он мог? Он же клялся, что сделает все возможное и вытащит меня! А сам... сбежал, бросив меня, и даже не предупредив медсестер. Все это выглядело подозрительно, пахло какой-то грязной тайной. Хотя, если быть честной, поступок доктора, каким бы чудовищным он ни казался, можно было понять. Затея с плазмаферезом, организованная в обход правил – нелегальная процедура, сопряженная с риском. Когда возникла угроза моей жизни, он просто испарился, чтобы избежать ответственности. Это осознание добавило горечи к моему и без того плачевному состоянию.

Маму попросили уйти до обхода, чтобы врач не обнаружил несанкционированную «ночевку» в палате интенсивной терапии. Прощание было коротким и скомканным, но полными решимости. «Сегодня же мы с папой заберем тебя домой», – твердо пообещала она, сжимая мою руку. – «Здесь тебе больше делать нечего. Уколы и капельницы мы и сами сможем организовать». Я по-прежнему была беспомощна: не могла двигаться, есть и пить. Но рассчитывать на помощь персонала неврологии не приходилось, поэтому решение забрать меня домой казалось единственно верным. Образ родных стен стал маяком надежды – я поверила, что больничный кошмар вот-вот закончится. Но моей надежде не суждено было сбыться.

Рассвет десятого августа принес не облегчение, а ледяную ясность, которая ранила хуже физической боли. Недавние страхи казались детскими капризами по сравнению с той бездной бессилия, в которую я рухнула за ночь. Мое тело превратилось в чужеродный, неподатливый объект. Ноги, еще вчера хоть как-то откликавшиеся на прикосновения, теперь лежали, похолодевшие на два безжизненных бревна. Я посылая им отчаянные сигналы из глубин сознания, но они отказывались повиноваться, словно нервные пути к ним были перерезаны. То же самое происходило с руками – они лежали вдоль тела бесполезными плетями, неспособными даже на слабое движение. Голова намертво прикипела к подушке – я не могла повернуть ее ни вправо, ни влево, не говоря уже о том, чтобы приподнять. Даже веки стали тяжелыми, как свинцовые ставни, и требовали изнурительного усилия, чтобы приподнять их хотя бы на щелочку. Мир сузился до клочка больничного потолка над головой и размытых силуэтов по периферии зрения. Но худшим открытием стал пролежень – тот, что начал формироваться еще в первый день в реанимации из-за униженного памперса, за ночь расцвел багровым, болезненным пятном,

расползшимся по всему крестцу. И ко всему этому добавилось новое, пугающее ощущение – нехватка воздуха. Каждый вдох давался с трудом, будто пудовая гиря опустилась на грудь, сдавливая легкие. Тогда я еще не знала, что это был зловеющий предвестник новой беды – отказывала диафрагма, медленно сдаваясь под натиском болезни.

В обед медсестра принесла суп, второе, столовые приборы и, бросив: «Врач сказал, ты слишком худая. Только попробуй все не съесть!», ушла, не дождавшись ответа. Я шепотом попыталась объяснить, что не в силах этого сделать, но она уже скрылась за дверью. Спустя несколько попыток я лишь смогла наклониться, чтобы сделать глоток воды. Оставалось лишь лежать и вдыхать запах остывшего куриного супа.

Через полчаса вернулась медсестра и набросилась на меня с криками за то, что я ослушалась.

— Я не могу поднять руку, — прохрипела я, тщетно пытаюсь пошевелить пальцами.

— Еще недавно сама судно ставила, брала бутылку, а теперь рука не работает? — усмехнулась она. — У нас тут мужчина лежит, тоже не хочет сам есть, ждет, когда ему будут подавать. Я ему тоже так говорю: «Справляйся, если не хочешь остаться голодным». Я смотрела на нее с недоумением. Неужели она не знала о неудавшемся плазмаферезе? Почему не поверила мне?

Голос, осипший накануне, почти пропал. Пока не требовалось говорить, я не обращала на это внимания. Когда позвонили родители, рядом, на счастье, оказалась санитарка и помогла ответить. «Иммуноглобулин не предлагают, — сообщили они. — Решили забрать тебя домой, а потом — в областную больницу. Может, там найдут другой способ. Врач не против, мы обо всем договорились. Сейчас фотографируем анализы, бабушка с тетей заказали перевозку для лежащих больных, скоро будут». Радость затопила меня. Неважно как, главное — домой, где я смогу пить и меня покормят.

Следующий звонок я пропустила — поднять телефон было невозможно. Пыталась позвать на помощь, но могла лишь хрипеть. Когда наконец появилась медсестра, телефон уже молчал. Решив, что мне нужно судно, она его подставила. Но когда я указала на телефон, мне ответили, что врачи запретили мне разговаривать с родителями. Запретили?! Как такое возможно? И почему меня еще не забрали?

Вскоре в палату вошла заведующая неврологией.

— Подпишите согласие на выписку, — сказала она. — У вас острый период, дома вы можете умереть, мы несем ответственность.

— Не могу, — прошептала я.

— Тогда мы не можем вас отпустить. Родители не имеют права подписывать, нужна доверенность.

— Вложите ручку в пальцы, попробую.

Мне подложили лист, вложили ручку, и я нацарапала что-то неразборчивое. Заведующая с медсестрами удовлетворенно удалились. Позже выяснилось, что я подписала согласие не на выписку, а на повторную спинномозговую пункцию.

Меня отвезли не в реанимацию, где обычно делали эту манипуляцию, а в обычную процедурную в нашем отделении. Пункцию делал неразговорчивый пожилой мужчина. Когда игла пронзила поясницу, он произнес:

— Я не могу ничего выкачать, здесь пусто.

Заведующая начала кричать:

— Из Ростова пришло распоряжение взять у нее повторную пункцию на разные вирусы. Мы обязаны!

— Это вредно! — возразил врач. — Организм обезвожен, посмотрите, какая она худая!

— Ничего не знаю! Делайте! — отрезала заведующая.

После нескольких мучительных попыток им все же удалось нацедить несколько капель спинномозговой жидкости. Решив, что этого достаточно для приказа «сверху», они быстро

свернули процедуру. Меня бесцеремонно вернули в палату и бросили на кровать, даже не перевернув на бок после пункции, как положено.

Я лежала, глядя в потолок, и отчетливо понимала: теперь меня не заберут. Мне предстояло несколько суток лежать неподвижно, чтобы избежать страшных осложнений. Надежда на дом рухнула окончательно. Меня не просто обманули, а заперли здесь, проведя ненужную и опасную процедуру вопреки здравому смыслу, лишь бы угодить начальству. Эта нелепая, бесчеловечная зависимость от Ростова стала осязаемой. Местные врачи были лишь винтиками в бюрократической машине, где нити управления сходились в областном центре. Диагнозы ставились заочно, лечение назначалось по бумагам. Какая чудовищная глупость! Как могли там, в Ростове, сидя в уютных кабинетах и перебирая безликие анализы, судить о моем состоянии?

Они не видели моего тела, превратившегося в обтянутый кожей скелет, где мышечная ткань практически отсутствовала. Не ощущали моей слабости, не слышали прерывистого дыхания. Для них я была строчкой в отчете, случаем, который нужно закрыть. И тот факт, что повторная пункция при таком истощении была противопоказана, никого не смутил. Приказ есть приказ.

Жажда после процедуры стала невыносимой. Она сушила горло, обжигала губы, словно я проглотила раскаленные угли. Капельница монотонно капала в вену, прозрачная жидкость растекалась по телу, но это не приносило облегчения. Процедурная медсестра, равнодушно снимая иглу, бросила на ходу: «Скоро ужин принесут, там и поешь, и попьешь». Я готова была разрыдаться от такого циничного равнодушия. Хотелось схватить телефон и потребовать у родителей ответа: почему? Почему вместо долгожданного возвращения домой меня снова подвергли этому ужасу? Но смартфон лежал на тумбочке мертвым грузом, а голос по-прежнему отказывался служить, превращая крик души в жалкий, едва слышный хрип.

Вечером принесли ужин. Та же медсестра, прикрепленная к моей палате, с безразличным видом поставила на тумбочку тарелку с кашей и чашку чая. Рядом привычно брякнула алюминиевая ложка. Я попыталась прохрипеть просьбу о судне, но мой шепот утонул в тишине палаты, не достигнув ее ушей. Она развернулась и ушла, оставив меня наедине с голодом и беспомощностью.

Аромат простой гречневой каши, который в обычной жизни я бы, наверное, и не заметила, сейчас казался божественным. Он смешивался с запахом черного чая, дразнил, будоражил ослабленное тело. Жажда и голод сплелись в один тугой, мучительный узел внизу живота. И тогда, в порыве отчаяния, я сделала то, что показалось бы немыслимым еще несколько часов назад. Собрав последние крупички воли, напрягая все подвластные мне мышцы шеи и спины, я совершила невозможное – смогла медленно перевалиться на правый бок. Тумбочка оказалась совсем близко. Вытянув шею, я дотянулась губами, а потом и языком до краешка тарелки и смогла слизать несколько крупинок каши. Она оказалась довольно горячей, обожгла язык и небо, но сквозь боль я ощутила животное удовлетворение – вкус еды! Теплой, настоящей еды. Это были жалкие крохи, но они стали единственной пищей за долгие часы, прошедшие с шести утра, когда мама кормила меня в последний раз.

Горькая истина не оставляла сомнений: меня не отпустили. И тут до ушей донесся отдаленный, но яростный крик. Мамин голос! Я узнала бы его из тысячи. Позже я выяснила, что она, отчаявшись, прорвалась в кабинет начмеда, требуя, умоляя, заклиная отдать ей дочь. Но опоздала – в тот самый момент мне уже вонзали иглу в спину. Родители находились здесь, в больнице, до сих пор, уже несколько часов, ругались и рвались ко мне, но их планы разбились о стену врачебного произвола. Осознание того, что они были рядом, но недостижимы, было пыткой. Сердце рвалось к ним. О, если бы я могла позвать! Но голос превратился в жалкое сипение.

В ловушке обездвиженного тела и врачебного обмана я приняла безумное решение – спровоцировать приступ. Моя истерзанная болезнью и страхом нервная система была натянута как струна. Достаточно было лишь немного подтолкнуть.

Закрыв глаза, я думала о своем критическом положении: о невыносимой жажде и голоде, сводящем живот, об унижительной беспомощности, предательстве собственного тела, слабеющих мышцах, нарастающем жаре. Ужас, жалость к себе, обида – я сознательно раздувала эти угли, пока они не вспыхнули паникой.

Тело откликнулось мгновенно. Дрожь, судороги, стук в висках, частое и поверхностное дыхание. Собрав последние силы, я хрипло позвала на помощь. В этот раз сработало – в палату вошла ночная медсестра.

— Приступ... — выдавила я, задыхаясь. — Таблетки... мне нужны... специальные... покупают...

— Я ничего не могу дать без назначения врача, — ответ был предсказуем и безжалостен.

— Маму... позовите... — взмолилась я, чувствуя, как волна паники накрывает снова. — Она знает... что делать... Она здесь... я слышу...

Я действительно слышала обрывки фраз, доносившиеся с улицы. Я была уверена – это они, мои родители, стояли там, внизу, такие близкие и далекие. Почему они не кричали мне? Не пытались объяснить, что случилось? Впрочем, ответ я уже знала – их обманули так же, как и меня. Запудрили мозги, а потом специально провели пункцию – идеальный предлог, чтобы задержать меня в больнице. Ведь перевозить пациента в таком состоянии, да еще и с моим диагнозом, никто не станет. Меня заперли здесь снова, хладнокровно и расчетливо, используя мое собственное тело и медицинские процедуры как невидимую решетку.

Часы ожидания растянулись в мучительную вечность, пока наконец не появился дежурный врач – один на все бесчисленные отделения этой больницы в ночи. К тому моменту, когда он неспешно вошел в палату, судороги, искусственно вызванные моим отчаянием, давно стихли. Приступ, так и не ставший настоящим, исчерпал себя, не достигнув главной цели – увидеть маму. Я лежала, обессиленная и опустошенная, уже не паникой, а глухой тоской. Врач бросил на меня беглый взгляд, выслушал краткий доклад медсестры и равнодушно кивнул: «Таблетки свои? Пусть пьет». С этими словами он удалился.

— Я... сама... не могу... — прошептала я, чувствуя жгучий румянец унижения.

Медсестра с пренебрежением вытряхнула таблетки из упаковки и практически швырнула их мне в рот. К счастью, все же догадалась поднести стакан с водой, позволив проглотить горькие пилюли. Собрав остатки смелости, я прохрипела просьбу о судне. С тем же безразличным выражением лица, кричащее громче любых слов, она выполнила и эту манипуляцию. На самом дне отчаяния я пообещала больше никогда не ложиться в больницу. Лучше умереть дома, остаться инвалидом, перетерпеть любую боль – что угодно, лишь бы не позволять обманывать себя, топтать свое достоинство и издеваться над слабостью.

Впереди маячила целая ночь в этом аду. Смогут ли родители вырвать меня отсюда завтра? Мучительный вопрос без ответа. Я лежала без сна и следила за игрой теней на потолке, за тем, как чернота за окном постепенно сменялась предраассветной серостью и робкими розовыми отсветами. Три часа? Четыре? Пять? И вот, когда первые лучи солнца пробились сквозь щели в жалюзи, заливая палату пыльным золотом, я услышала спасительный звук – звонок мобильного телефона. Удивление смешалось с недоумением: трубка лежала на кровати, рядом с левой рукой. Как она там оказалась? Я не помнила, чтобы мне ее возвращали. До этого смартфон был у врачей, под негласным, но строгим запретом. Возможно, медсестра сжалилась над мной и подложила его поближе? Но я все равно не могла им воспользоваться, руки были парализованы.

Телефон зазвонил еще раз, настойчиво и требовательно. Потом снова. Но как я ни старалась перевернуться на левый бок, чтобы дотянуться до заветной трубки, такое движение ока-

залось выше моих сил. Тело отказывалось повиноваться. Отчаяние подстегнуло последнюю, почти звериную изворотливость. Медленно, сантиметр за сантиметром, я сползла чуть ниже по кровати и, вытянув шею до предела смогла ткнуть носом в зеленую иконку на экране. Победа!

«Алло! Лиза! Алло!» – Голоса родителей ворвались в тишину палаты, как глоток свежего воздуха. Они говорили быстро, взволнованно, перебивая друг друга. Сегодня они обещали забрать меня несмотря ни на что! Вопрос о Ростове и разрешении начальства больше не стоял, они добились своего. Вечером я буду дома! Какое счастье! Слезы радости и облегчения брызнули из глаз. Хотелось крикнуть, как сильно я жду этого, но из горла снова вырвался невнятный, жалобный хрип.

«Лиза? Лиза, ты здесь? Ты слышишь нас? Лиза?» – Голос мамы дрожал от тревоги. Она не слышала меня, ни единого звука – голос исчез окончательно, без следа. Вместе с этим осознанием пришло другое, еще более страшное – дышать стало невыносимо трудно. Ощущение было такое, будто на грудь медленно опускалась многотонная металлическая плита, сдавливающая легкие. Воздух удавалось захватывать лишь короткими, судорожными толчками, используя мышцы живота. Сомнений не оставалось: болезнь добралась до диафрагмы. Прогрессирование шло неумолимо, и здесь, в этих стенах, мне уже ничем не помогут.

Мой лечащий врач, тот, что обещал чудесное исцеление после плазмафереза, так больше и не появился. А о заведующей, хладнокровно подсунувшей мне на подпись согласие на спинномозговую пункцию вместо выписки, я старалась даже не вспоминать. Все мысли были только об одном – выбраться отсюда, пока не поздно. Время растворилось в аморфной, тягучей массе. Не принесли завтрак, не появился и обеденный поднос. Никто не заглянул предложить глоток воды, ставший моей навязчивой идеей. Меня словно вычеркнули из списка живых, я была заброшена в этом вакууме медицинского безразличия.

И вот, когда солнце уже начало клониться к западу – по моим ощущениям, было около двух часов дня, – дверь наконец отворилась. Вошла процедурная сестра с капельницей. Ее появление после стольких часов забвения вызвало смесь недоумения и слабой, почти угасшей надежды. «Зачем... капельница?» – вопрос сорвался с губ прежде, чем я успела его обдумать. – «Родители... сказали... домой...» Она остановилась на полпути к моей руке, посмотрев на меня с искренним непониманием, и я с ужасом осознала: я снова произнесла это лишь в своей голове.

Собрав последние крохи воли, напрягая мышцы горла до боли, я повторила вопрос, выдавив из себя едва слышный, дребезжащий шепот: «Зачем... капельница?... Мне... домой... обещали...». Девушка лишь пожала плечами – «Мне так велено,» – бросила она и, быстро установив систему, развернулась к выходу. Слово «приказ» повисло в воздухе, холодное и безличное. Я не успела попросить судно и воды. Не успела задать больше ни одного вопроса. Она просто ушла, оставив меня наедине с прозрачной жидкостью, медленно капающей в мою вену. Едва первые капли попали в кровь, меня накрыла волна тошноты. Я закрыла глаза, пытаясь дышать ровнее, но она не отступила, пока последняя капля не исчезла в трубке. И как только это произошло, дверь снова открылась.

На этот раз вошли несколько медсестер, и вместе с ними – мой лечащий врач. Внезапное скопление людей у моей кровати, их сосредоточенные, но непроницаемые лица... Мое сердце замерло, а потом забилось часто-часто. Я поняла – сейчас что-то произойдет. И всем своим истощенным существом верила в долгожданное освобождение. Из вены извлекли иглу – маленький, но символический акт разрыва последней нити, связывавшей меня с этим местом. Финальный аккорд прозвучал в голосе медсестры, полный нескрываемого осуждения: «Глупая ты, очень глупая, раз домой собралась. Здесь у тебя хоть какие-то шансы были на ноги встать, а дома – ни одного».

Во мне поднялась волна горькой иронии. Хотелось крикнуть ей в лицо, что «шанс» они упустили на провальном плазмаферезе, после которого мне стало только хуже. Что их помощь

обернулась обманом и ненужной, болезненной пункцией. Но я помнила – любой звук, который попытаюсь издать, превратится в жалкий, унижительный хрип. Позориться в этот последний момент, я не хотела, поэтому просто молчала, стойко встречая ее взгляд.

Врач, стоявший рядом, заговорил тоном человека, завершившего неприятную, но необходимую формальность: «Я договорился, за тобой сейчас придет каталка, помогут собраться. Мне искренне жаль, что ты выбрала такой путь. Но запомни мои слова,» – он сделал паузу, и его голос приобрел зловещую убедительность, – «Дома тебе осталось жить три дня». Этот приговор, вынесенный с профессиональной бесстрастностью, прозвучал как удар колокола. Но даже страх не мог заглушить рвущееся наружу желание – домой!

Прежде чем меня начали одевать, словно куклу, снова появилась процедурная медсестра. – Остался еще один укол в живот, не успела утром сделать, – сообщила она деловито. Но меня волновало другое.

— Пожалуйста... вытащите... — просипела я, указывая на катетер в подключичной вене.

— Это не ко мне, – отрезал равнодушный голос. — Такое только в реанимации умеют снимать.

— Ну пожалуйста... — взмолилась я. — Очень неудобно... с ним...

С выражением крайнего недовольства она резким движением выдернула катетер. Я ощутила короткую вспышку боли и зажмурилась, опасаясь за целостность вены. Вместо нормальной повязки она шлепнула на место прокола самый обычный, дешевый бактерицидный пластырь. А защитную полоску с места недавней пункции на пояснице мне и вовсе бесцеремонно содрали, пока натягивали одежду. «Да почти сутки прошли уже, ничего туда не попадет,» – бросили мне как нечто само собой разумеющееся. Открытый прокол, ведущий прямо к спинному мозгу! Пыль, больничные бактерии... Но я снова промолчала. Меня переложили на каталку, а мои скромные пожитки – вещи, полотенца, памперсы и ампулы с лекарствами, которые мне так и не успели ввести, – швырнули сверху, как на неодушевленный предмет.

«Ну, пока» – донеслось вслед, будто плевков в спину. – «Выживешь – советуем вернуться, долечиться. А помрешь – что ж, это твой выбор». Я пропустила эти мерзкие слова мимо ушей – они уже не имели значения. Я ехала домой!

В тесном, покачивающемся пространстве медицинской перевозки, пропахшем антисептиком и тревогой, мы с мамой снова были вместе. Прижавшись к ней, насколько позволяли мои слабые силы, я впитывала тепло ее присутствия, служившее лучшим лекарством. Именно там, под мерный гул мотора, уносящего нас прочь от места заточения, мама начала разворачивать передо мной шокирующее полотно событий, объясняя причину мучительной задержки, которая едва не стоила мне остатков рассудка.

Оказалось, что главный врач больницы, невидимый вершитель судеб, столкнувшись с непреклонной решимостью моих родителей, пошел на крайние, абсурдные меры. Он вызвал Росгвардию! Не просто патруль – бойцов в полной выкладке, с автоматами наперевес, в бронежилетах, словно речь шла об особо опасных преступниках, а не о родителях, пытающихся спасти дочь из медицинского плена. Они оцепили выход с приказом – не выпускать.

Родители, доведенные до точки кипения, готовы были звонить в полицию. Объяснять, кричать, умолять – доказывать очевидное: что за этими стенами медленно угасает их ребенок, чудом выживший после клинической смерти. Что они просто хотят забрать свое дитя домой! Но кому было дело до их отчаяния в этой цитадели казенной медицины, превратившейся в укрепрайон? Каким чудом (мама умолчала, но я чувствовала, что прорыв этой блокады стоил им немалых нервов, а может, и не только) им удалось договориться, я так и не узнала. Но вооруженные стражи расступились, и путь домой был открыт.

Пока машина везла нас домой, мама, немного успокоившись, но все еще с горящими глазами, поведала о своей битве с заведующей отделением – женщиной внушительных габаритов – с которой она буквально сцепилась в коридоре, пытаясь прорваться ко мне. После этой

стычки заведующая и главврач, словно загнанные звери, забаррикадировались в своих кабинетах, отгородившись от бури родительского гнева. Папа, потеряв всякое терпение от невозможности достучаться до главного, с яростным рычанием ломился в дверь его кабинета, колотил по ней кулаками с такой силой, что остались глубокие вмятины. Возможно, взрыв отцовского гнева и стал последней каплей, заставившей главврача вызвать вооруженную подмогу. Но все же результат был достигнут – меня везли домой! Наконец-то! Пусть я не могла двигаться и говорить, пусть мне осталось всего три дня... зато я проведу их в родных стенах. Умереть дома, в покое, тепле и любви – казалось мне сейчас высшим благом, несравнимым с продолжением мучений в больнице.

ГЛАВА 3

Борьба за выживание в больнице, изнурительная война с равнодушием и жестокостью, закончилась. Но вместо победы пришло лишь опустошение. Долгожданное возвращение домой обернулось самой изощренной, мучительной формой ожидания конца. Слова, брошенные с ледяной, безразличной уверенностью – «дома тебе осталось жить три дня» – внезапно обрели вес, материализовались, превратились из злой, пустой угрозы в реальный, неумолимо тикающий таймер.

Я лежала, глядя в потолок, чувствуя, как по щекам текли слезы, и мозг, словно заевшая пластинка, судорожно начал отсчет. Сколько часов прошло с момента страшного предсказания? Сколько еще осталось? Когда это начнется? Когда откажет дыхание или замрет сердце, когда тьма окончательно поглотит меня? Жестокая неопределенность врачебного вердикта без малейших пояснений – от чего, как именно оборвется моя жизнь? – была хуже самой смерти. Они просто поставили перед фактом: твое время на исходе.

Ужас был липким, осязаемым. Умирать не хотелось отчаянно, до крика, которого я уже не могла издать. Я – единственная ниточка, связывающая родителей с будущим, их позднее, вымоленное, бесконечно любимое дитя. Мысль оставить их одних в этом мире была невыносима и ранила глубже собственного страха перед небытием.

Собственная комната теперь превратилась в недостижимую даль. Меня устроили в родительской спальне. Это решение было принято без слов, продиктованное суровой необходимостью и безграничной любовью. Ночью я была абсолютно беспомощна, не способна даже позвать на выручку. Меня нужно было постоянно переворачивать, чтобы избежать пролежней, укладывать ослабевшие, немеющие руки и ноги так, чтобы они не затекали, поить водой из ложечки или через трубочку. И мама решила делить со мной свое ложе, чутко реагируя на каждый мой вздох и неловкое движение.

Рядом с кроватью появилась тумбочка – мини-аптека и склад всего необходимого: лекарства, бутылка с водой, салфетки, чистое белье, стопка книг, которые мне читали вслух. Папа принес судно – молчаливое признание новой жуткой реальности. Но остатки воли и гордости еще теплились во мне. Я цеплялась за иллюзию самостоятельности, за последний бастион прежней жизни – поход в туалет. Опираясь на родителей, я пыталась дойти до заветной двери, переставляя непослушные, ватные ноги. Но самое простое действие – сесть на унитаз – превращалось в пытку. Каждый мускул кричал от боли, суставы ломило так, что темнело в глазах. Я старалась терпеть, оттягивая этот момент, хотя папа, в своем стремлении облегчить мои страдания, успел соорудить в туалетной комнате систему поручней и опор, чтобы мне было легче садиться и вставать.

Тело предавало меня быстрее, чем отец успевал мастерить приспособления. Мои руки, как и ноги, стремительно теряли силу, превращаясь в бесполезные плети. Поручни остались немой укором моей угасающей силе, символом того, как быстро болезнь отбирала у меня последние крохи независимости.

С первых же минут дома началась операция по спасению – не медицинская, а родительская, отчаянная и полная любви. Приоритетом стало вернуть мне силы, отобранные голодом и болезнью. Меня кормили маленькими порциями бульона и протертого мяса, поили чистой водой, компотом, теплым чаем, словно пытаясь смыть изнутри больничную засуху и страх.

Увидев меня раздетой, родители ахнули. За несколько дней я превратилась в призрака, кожа обтягивала кости, под глазами залегли глубокие тени. Мама, не сдержав слез, обработала зияющую ранку на шее, оставшуюся от варварски выдернутого подключичного катетера, дезинфицировала место пункции на спине.

Но хуже всего был пролежень на крестце – глубокая рана до мяса, свидетельство часов неподвижности и равнодушия персонала. Мама смазывала ее зеленкой, накладывала лечебные мази, и тихие слезы капали на простыни. Папа стоял рядом, мрачнее тучи, его кулаки сжимались. Я слышала, как он глухо, сквозь зубы, проклинал больницу, врачей, их некомпетентность и черствость.

Это была моя первая еда за день, хотя солнце уже клонилось к закату, окрашивая небо в теплые медовые оттенки. После скромной трапезы, которая далась мне с трудом, но принесла невероятное облегчение, меня снова, как хрупкую фарфоровую куклу, отвели в постель. Тогда я еще могла передвигаться, пусть и цепляясь за родительские руки, как за спасительные канаты. Ноги то безвольно подкашивались, болтаясь, словно тряпичные, то вдруг, словно вспомнив о своей прежней силе, позволяли мне сделать маленький, неуверенный, но все же самостоятельный шаг.

В прохладной, умиротворяющей тишине родительской спальни, укутанная мягким полумраком, я впервые за долгое время почувствовала нечто похожее на покой. Но он оказался недолгим. Внезапно тишину разорвал настойчивый, требовательный звонок в дверь. Наш пес залился тревожным, пронзительным лаем, а мы с родителями испуганно переглянулись – кого могло принести в такой час? Стучали так настойчиво и громко, будто ломались во что бы то ни стало. После некоторого замешательства, с явной неохотой, папа пошел открывать.

На пороге стояла молодая женщина в белом халате – врач из городской поликлиники. Она выглядела взволнованной и говорила быстро, почти запыхавшись: «Мне только что позволили из стационара! Сказали, у вас больная... в предсмертном состоянии... Выписалась умирать домой... Это правда, что она молодая? Покажите мне ее!». Родители провели врача в спальню, где я наслаждалась редкими минутами спокойствия. Идиллия рухнула в тот момент, когда в дверном проеме снова возник ненавистный белый халат. Умиротворение испарилось, сменившись знакомым холодком тревоги.

Увидев меня, бледную и исхудавшую, врач на мгновение потеряла дар речи. На ее лице читался ужас, когда родители подтвердили диагноз: «Энцефаломieloполирадикулонейропатия...» – нечто похожее на синдром Гийена–Барре, но в интернете такого диагноза даже нет. Ведь энцефало- – поражение оболочки головного мозга, миело- – повреждение мышц, полимножественное, радикуло- поражение нервных спинномозговых корешков, и это не говоря уже про аксональное поражение нервов! Она лишь покачала головой, в глазах – сочувствие и растерянность.

Мама, стараясь сдерживать негодование, сбивчиво рассказала о провальном плазмафезе, ставшим точкой невозврата, о сутках без еды и воды, о равнодушии персонала. Доктор внимательно слушала, ее взгляд снова и снова возвращался к моей почти скелетной хрупкости. «Да, девочка не просто худая, а нездорово худая», – подтвердила она очевидное.

Врач механически проинструктировала нас еженедельно вызывать терапевта на дом. Ни рецептов, ни рекомендаций, ни ободряющих слов – лишь констатация факта. А потом она ушла, оставив нас с этой бедой и зловещим диагнозом.

Но вечер принес мгновение счастья – купание! Стоять под душем я не могла – ноги отказывались держать даже мой истощенный вес, поэтому мама наполнила ванну теплой водой. Папа, преодолевая боль в спине, осторожно опустил меня в ласкающую воду. Я видела напряжение в его мышцах, как он закусил губу от усилия. Но еще тяжелее было морально – видеть свою взрослую дочь такой беспомощной, зависящей от каждого движения, от чужой силы. А я лежала в воде, чувствуя, как тепло проникало в тело, и одновременно сжигаемая чувством вины и стыда.

Позже родители взвесили меня – тридцать девять килограммов вместо прежних пятидесяти пяти. Шокирующая цифра, объясняющая слабость и почему одежда висела на мне меш-

ком. Сама я не стояла, папа поддерживал меня за подмышки, пока я шаталась на напольных весах, но думаю, результат от этого не сильно изменился.

Вспомнив совет реаниматолога («Срочно мясо! Ей необходим белок!»), родители заказали шашлык. Всю жизнь я избегала мяса и не переносила даже его запах, не из-за каких-то моральных соображений, просто не любила его, да и желудок реагировал тяжело, переваривал очень долго. Я смотрела на поджаристые, пахнущие дымком куски с содроганием. Но выбора не было. Мне нужны были силы, белок для восстановления нервных волокон. Пришлось переступить через себя ради надежды снова встать на ноги. Холодильник также заполнился бутылочками «Малоежки» и «Нутридринка» – специального питания для ослабленных больных.

Так и прошел мой поздний домашний ужин: ненавистный шашлык, который я с трудом жевала, и приторно-сладкая, с каким-то медицинским привкусом, «Малоежка». Увидев мое искривленное лицо, папа мягко сказал: «Дочка, если тебе совсем неважно, думай, что это не еда, а лекарство. Самое сильное лекарство, которое поможет тебе выздороветь и не навредит, ведь это строительный материал для твоего тела». Его слова запали мне в душу, и эта мысль стала мантрой. С каждым съеденным кусочком шашлыка я повторяла: «Это лекарство. Оно помогает моим нервам расти. Я буду здорова. Я снова буду ходить». И эта надежда придавала мне сил.

Дома было блаженно – разительный контраст с больничной казенщиной, как пропасть между адом и земным раем. Здесь царила атмосфера абсолютного внимания к моим нуждам и малейшим желаниям, выраженным едва слышным шепотом или угаданным по взгляду. По первой просьбе родители включали спасительную сплит-систему, прогоняя липкую духоту, которая так мучила меня в больничной палате. Меня кормили с ложечки, терпеливо поднося ко рту маленькие порции питательного бульона или пюре. Папа аккуратно приподнимал мое тело на кровати, чтобы я могла смотреть телевизор или просто видеть лица родных. Когда становилось слишком жарко, мама приносила тазик с теплой водой и мягкой губкой, бережно умывала мое лицо и руки, даря ощущение свежести. Меня переодевали в чистое домашнее белье, переворачивали с боку на бок и подкладывали подушки под немеющие конечности, неустанно ища удобное положение.

Каждое простое действие было пропитано такой нежностью и заботой, что я физически ощущала разницу между больничным конвейером равнодушия и теплом родного дома. Но эта истина не отменяла главного – комфорт и любовь не были лекарством от моей болезни. Мы по-прежнему барахтались в океане неопределенности, не зная, как повернуть вспять разрушительный процесс.

Однажды вечером, когда сумерки мягко окутали комнату, мы попытались воссоздать островок прежней, нормальной жизни. Папа достал карты. Я лежала, почти не двигаясь, но он разложил веер карт на одеяле передо мной, а себе взял другую часть колоды. Я пыталась «играть» – одной рукой, неуклюже двигая пальцами, скорее угадывая, чем видя свои карты. Это был лишь фантом былого веселья, но папа терпеливо подыгрывал, создавая иллюзию обычного семейного вечера.

И тут хрупкая плотина моей выдержки рухнула. На фоне этого трогательного, но такого беспомощного действия, меня внезапно накрыло дикое отчаяние. Слезы хлынули неудержимым потоком, сотрясая ослабевшее тело. Сквозь рыдания я задала родителям вопрос, который мучил меня с момента возвращения: «Скажите честно... Мы правильно сделали? Вы не жалеете, что забрали меня домой... обузой?» Моя неконтролируемая истерика эхом отозвалась в маминых глазах, наполнившихся слезами. Она тут же подошла, села на край кровати, положила свою теплую руку мне на грудь, туда, где бешено колотилось израненное сердце. Ее голос был тихим, но твердым, полным безграничной любви: «Милая моя девочка... Мы готовы были забрать тебя любой – хоть на руках, хоть на каталке. Главное – ты жива, ты здесь, с нами. И нам совершенно не важно, в каком ты состоянии. Самая большая радость – видеть тебя каждый

день, слышать твой голос, заботиться о тебе. Для нас это и есть счастье.» Эти слова, простые и искренние, окутали меня теплом, погасили огонь истерики, оставив после себя лишь тихую грусть и безмерную благодарность.

Однако тихий уют домашнего очага оказался хрупкой ширмой, за которой таились новые демоны. Днем я хотя бы частично контролировала свои мысли, цепляясь за реальность и заботливые прикосновения родителей. Но ночь принадлежала страхам, всплывающим из глубин памяти. Поначалу сон приходил легко, почти как благословение. Я проваливалась в него, измученная переживаниями дня, и даже любимый пес, истосковавшийся за время моего отсутствия, приносил нотку покоя. Он сворачивался теплым, пушистым клубком у меня в ногах или под боком, не желая отходить ни на шаг, и время от времени тыкался влажным носом в мою руку, ластясь с преданностью, больше похожей на кошачью нежность.

Именно в эти тихие, темные часы я поняла, что такое посттравматический синдром. Термин, над которым я когда-то легкомысленно посмеивалась, считая его надуманной проблемой людей с богатым воображением. Теперь я знала – это не выдумка.

Пережитый ужас вьелся под кожу, отравлял сны и превращал ночи в битву с призраками. Пробуждение всегда было внезапным. Я не вскакивала – тело оставалось слабым и скованным болезнью. Но мой разум метался в кошмаре. Я не кричала – голос так и не вернулся в полной мере, – но из горла вырывался бессвязный, прерывистый шепот. Я снова была там, в больничной палате, беспомощная, униженная и одинокая. Руки, которые я с трудом могла оторвать от постели, судорожно дергались, пытаюсь сорвать невидимые иглы, оттолкнуть мнимые трубки капельниц. Я звала медсестру шепотом, умоляла прекратить мучения, снова и снова переживая самые жуткие моменты: «Уберите! Снимите плазмозферез! Не надо уколов! Помогите!».

Мама мгновенно просыпалась, от малейшего моего движения, от первого сдавленного звука. Ее рука тут же ложилась на мое плечо или лоб – теплое, живое прикосновение, якорь в бушующем море паники. Родной, тихий голос повторял, как заклинание: «Тише, тише... Ты дома, со мной и папой. Никаких капельниц и уколов. Все закончилось. Я рядом.». Она говорила это мягко, терпеливо, пока ужас не отступал, оставляя после себя липкий пот и дрожь. Я понемногу успокаивалась, возвращаясь в реальность родительской спальни, но сердце еще долго продолжало колотиться как пойманная птица, бешено стуча в ребра. Дыхание оставалось тяжелым, прерывистым, словно легкие забыли, как работать. Эти ночные сражения повторялись с пугающей регулярностью, на протяжении многих недель, превращая долгожданный отдых в очередное испытание и напоминая, что раны, нанесенные душе, заживают гораздо медленнее, чем на теле.

Увы, вопреки всем усилиям, с каждым днем, проведенным дома, мне становилось ощутимо хуже. Хрупкая надежда, затеплившаяся было при возвращении, начала таять, как весенний снег под безжалостным солнцем недуга. Наступил момент, когда, даже опираясь на сильные руки родителей, я больше не могла преодолеть несколько метров до кухни. Путь, еще вчера казавшийся просто трудным, стал непреодолимым. Ноги окончательно отказались служить.

Видя это неотвратимое угасание, мама, единственный человек в нашей семье с медицинским образованием, пусть и не связанными напрямую с неврологией, приняла тяжелое, но неизбежное решение. Поскольку в больнице я так и не получила жизненно необходимого лечения – ни спасительного плазмозфереза, ни иммуноглобулина, – она поняла, что бездействие равносильно смертному приговору. В домашних условиях арсенал был скуден, но она отважилась на риск, продиктованный безысходностью: начать курс инъекций гормонов и антибиотиков. Это была попытка хоть как-то повлиять на воспалительный процесс, сбить лихорадочный жар и остановить сползание в бездну.

И, о чудо, это отчаянное вмешательство возымело действие. Буквально через несколько дней произошло нечто похожее на хрупкое перемирие – температура вернулась к нормальным

значениям. А самое главное – безжалостное нарастание симптомов замерло, остановилось на достигнутом рубеже. Дышать стало свободнее, будто с груди сняли невидимый обруч. И в один из дней, играя с папой в нарды, я вдруг поняла, что мои пальцы обрели толику прежней послушности – я смогла самостоятельно передвигать легкие фишки по доске!

Для меня, почти полностью парализованной, эти едва заметные со стороны движения были равносильны победе. Ведь крошечные сдвиги стали доказательством того, что тело еще способно бороться, что шанс на выздоровление не потерян окончательно. Мы все выдохнули с осторожной надеждой, в доме воцарилась атмосфера временного спокойствия.

Но под тонкой коркой этого затишья продолжал тлеть глубинный, иррациональный страх. Особенно он обострялся ночами. Засыпая, я каждый раз боялась не проснуться, будто предчувствуя катастрофу. Я лежала без сна, прислушиваясь к собственному телу, как к часовому механизму бомбы, ожидая рокового сбоя. Боязнь внезапной остановки сердца или предательского удушья не отпускала меня ни на минуту. Чаще всего больные с синдромом Гийена–Барре умирают именно по этим причинам. Ведь никто не знал, что на самом деле происходило там, внутри, как вел себя невидимый враг, хозяйничающий в моем теле. Эта неизвестность была едва ли не ужаснее самой болезни.

Тем не менее, мимолетные улучшения были лишь рябью на поверхности глубокого, темного омуты нашей проблемы. Они не решали главного, не отвечали на мучительные вопросы, висевшие тяжким грузом. Мы по-прежнему блуждали во тьме неопределенности, даже не будучи до конца уверенными в правильности диагноза. И самый главный вопрос звучал как набат: встану ли я на ноги к сентябрю?

Август заканчивался... И это стало для меня символом утраченной жизни, недостижимой мечты. Больше всего на свете я жаждала вернуться туда, в гулкие аудитории института, сесть за парту рядом со своими одноклассниками, смеяться и спорить о проектах. Мне оставался всего год – последний рывок до заветного красного диплома, до интересной, перспективной работы, которая уже ждала меня.

Мой будущий начальник, человек равнодушный и тактичный, периодически напоминал о себе короткими сообщениями: «Как ты себя чувствуешь? Ждать ли тебя в сентябре? Мне держать для тебя место?». И каждый раз я, собирая остатки воли и пряча за бравадой тревогу, отвечала с лживой уверенностью: «Да, конечно! Я обязательно восстановлюсь, не переживайте! Все будет хорошо, я вас не подведу!». Но где-то в глубине души холодный, трезвый голос шептал, что шансы на исцеление к сентябрю ничтожно малы. Я отчаянно обманывала себя, его, родителей – всех вокруг, строя карточный домик фантазий на зыбкой почве собственной трусости.

Эта иллюзия не могла длиться вечно. Посоветовавшись, мы приняли решение: нужно искать другое экспертное мнение. Первая попытка найти ответы вне больничных стен была обращена к прошлому. Мама вызвала на дом невролога – женщину, которая знала меня с раннего детства. Много лет она помогала мне бороться с приступами вегетососудистой дистонии, хотя, по правде говоря, без особого успеха.

Привычным жестом достав неврологический молоточек, врач начала ритуал проверки рефлексов. Легкие постукивания по коленям, локтям, лодыжкам... Тишина. Молоточек стучал в пустоту. Проверила силу в руках, ногах – результат удручающий. Полное отсутствие рефлексов, глубокая мышечная слабость. Картина была ясна и пугающа.

Когда папа, затаив дыхание, спросил, что со мной происходит, она лишь растерянно пожала плечами – жест, который был красноречивее любых слов, кричащий о профессиональной беспомощности. На мой отчаянный вопрос: «Что же теперь делать?», она ответила уклончиво и тихо: «Вам нужно посоветоваться с более опытными врачами... С профессурой, возможно. Я... я такого раньше никогда не видела».

Эти слова ударили как обухом. Первая, пусть и слабая, надежда на ясность, на какой-то план действий, рухнула. Невролог, знавшая меня столько лет, не смогла не то, что помочь, а даже выдвинуть свою версию оказалась не в состоянии. Не дала ни прогноза, ни направления для дальнейших поисков. Она просто ушла, оставив нас наедине со свалившейся бедой и ее страшным признанием: «Никогда такого не видела». Осознание того, что мы снова у разбитого корыта, без малейшего понимания, что делать дальше, сломило меня.

Разочарование повисло в воздухе тяжелым, удушливым облаком. Но сидеть сложа руки было нельзя. На следующий день мы предприняли новую попытку, снова прибегнув к домашнему визиту – единственному доступному нам варианту. В нашем небольшом городке выбор врачей, готовых прийти на дом, был удручающе мал. А у меня по-прежнему не было ни инвалидной коляски, ни какого-либо другого способа транспортировать мое почти неподвижное тело по городу. Мы были заперты в четырех стенах, и единственной стратегией оставалось методично обзванивать тех немногих неврологов, кто соглашался на выезд, в надежде собрать несколько мнений и потом, на основе этого консилиума, принимать решение.

На этот раз порог квартиры переступила та самая врач из платной клиники, которая в начале болезни списала все мои симптомы на банальный стресс. Ее появление стало «ироничным» напоминанием о том, как быстро и страшно развивалась ситуация.

Увидев меня, лежащую пластом, бледную и исхудавшую до неузнаваемости, она испытала шок. В ее глазах читалось не только удивление, но и явный испуг. «Да... – протянула она, внимательно осматривая меня. – Пожалуй, это не стресс... Боже мой, как плохо она выглядит! А как похудела! Это... это кошмар!» Ее профессиональная маска на мгновение спала, обнажив человеческую растерянность. «Я такого раньше не видела, – повторила она фразу предыдущего доктора, и это совпадение прозвучало зловеще. – Было что-то похожее, очень отдаленно, когда я работала в Волгограде... Мальчик тяжело и долго восстанавливался, месяцами...»

Она замолчала, подбирая слова. «Даже не знаю, что вам посоветовать в домашних условиях... – наконец произнесла доктор, и в ее голосе зазвучала тревожная настойчивость. – Считаю, вы должны незамедлительно искать способ попасть в областную больницу, в Ростов-на-Дону. Там другие возможности и специалисты. Вам проведут полное обследование и назначат адекватное лечение». А потом добавила фразу, которая прозвучала странно в контексте нашего горя: «А я буду к вам приходить и наблюдать. Это такой неординарный случай, мне интересно с профессиональной точки зрения. Я буду даже бесплатно заходить, смотреть динамику, чтобы знать на будущее, если вдруг такое еще случится в моей практике. Понимать, как человек восстанавливается, какие этапы проходит...».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.